

WELL
ONLINE
Роман Глушков

**КОРОЛЬ
«ЛЕДЯНОГО ВЗРЫВА»**

Роман Глушков
Король «Ледяного взрыва»

«ЭКСМО»

2009

Глушков Р. А.

Король «Ледяного взрыва» / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-24961-9

Неуловимый контрабандист и погонщик мутазверей Молниеносный Торки Бикс угодил на каторгу по милости роковой красотки в мундире, капитана полиции Кайлины Лэнс, в которую его угораздило влюбиться. Мафия ящеров готова устроить ему побег, если он окажет им небольшую услугу. Однако бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Оказавшись на свободе, Торки внезапно понимает, что ввязался в скверно пахнущее дело и все предыдущие злключения меркнут перед тем, что ожидает его впереди. Чтобы сохранить жизнь, ему предстоит похитить уникального мутадемона и вызволить из тысячелетней магической ловушки силы, способные потрясти мир. А по пятам его уже преследует бывшая возлюбленная, ставшая к этому времени майором...

ISBN 978-5-699-24961-9

© Глушков Р. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

1	7
2	12
3	19
4	29
5	41
6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Роман Глушков Король «Ледяного взрыва»

Меня часто спрашивают, почему я не пользуюсь телепортами, ведь сегодня в мире Пророчества нет более быстрого и практичного транспортного средства. Благодаря ему даже такие ленивые старики, как я, могут путешествовать, куда только пожелают. Внуки абсолютно не понимают, отчего их дедушка, вместо того чтобы странствовать по миру, как все нормальные старые бездельники, предпочитает сидеть дома, а если и выбирается на улицу, то лишь затем, чтобы прогуляться в ближайшем парке. Мои дети, которые еще застали времена, когда телепорты считались диковинкой и работали очень нестабильно, тоже считают, будто мое категорическое неприятие прогрессивных веяний – обычный бзик выжившего на склоне лет из ума папаша.

Я никогда не спорю с родными на эту тему, потому что, говоря по существу, кое в чем они правы. Нет, я не настолько закостеневший человек, который упрямо отрицает неизбежность развития магических технологий, считая прогресс злом. И если в итоге мир пришел к тому, что вместо быстроногих и быстрокрылых транспортных животных – мутазверей – мы стали отдавать предпочтение телепортационной системе, что ж, значит, так тому и быть. Раньше на то, чтобы перебраться с материка на материк, уходило несколько дней, а теперь этот процесс сократился до столь малого времени, сколько у иного обывателя не занимает и поход в ближайшую булочную. К тому же вспомните, какова была смертность среди мутазвериных погонщиков и их пассажиров. Ежегодно тысячи достойных представителей Семи рас погибали глупой смертью, разбиваясь на огромных скоростях из-за банальной невнимательности либо не справившись с управлением. Чтобы погибнуть при телепортации, надо очень сильно постараться, ибо она безопасна настолько, насколько и быстра. В общем, куда ни глянь, всюду сплошные плюсы...

Тогда за что же я ненавижу это общепризнанное всепланетное благо? Ответ прост, и получить его вы сможете не только от меня, но и от любого другого погонщика, который остался в свое время не у дел из-за массового внедрения телепортов. По нам – перевозчикам нелегальных грузов – массовый бум телепортации ударил особенно болезненно. А вернее, нанес фатальный удар, поскольку стало невыгодно переправлять контрабанду через пограничные земли, рискуя в любой момент лишиться партии дорогостоящего товара, когда ту же самую операцию теперь можно повернуть во много раз быстрее и безопаснее.

Буквально за несколько лет все в мире перевернулось с ног на голову. Прежде повсеместно распространенные транспортные животные ныне превратились в архаизм вместе с профессией погонщика, а телепорты перешли из разряда экзотического средства перемещения в обыденность. Я – некогда знаменитый погонщик Торки Бикс – и множество моих не менее известных братьев по ремеслу ушли в историю, оставив после себя лишь легенды, да и те со временем начали потихоньку забываться. Разведение мутазверей и их биоинженерное совершенствование угодили под запрет, и сегодня вы уже не встретите в небе над Атрейей и Санадарией с ревом несущегося турбошмеля или стрекоптера, а большинство магистралей международного значения было упразднено за ненадобностью.

Но не это заставило меня возненавидеть телепорты и дать зарок никогда не пользоваться ими. Все, чем я жил долгие годы – дальние странствия в седле крылатого мутазверя, хорошо оплачиваемые контракты и постоянные игры в прятки с полицией, – исчезло, практически лишив меня смысла существования. Однако не в моей привычке падать духом, и я сумел адаптироваться к новой жизни, найдя другую, тоже вполне доходную работенку. Вот только одно обстоятельство не позволило мне полностью принять современную действительность такой, какой она стала. И всему виной был всемирный указ о Массовом Усыплении, регулирующий

количество транспортных животных на планете после введения в действие телепортационной сети.

Именно под такой обтекаемой формулировкой и проходило повсеместное истребление мутазверей, убиваемых в угоду магическо-техническому прогрессу. Тысячи особей, выведенных талантливейшими биоинженерами, безропотно отправились на бойню, исполняя последнюю команду в их и без того не слишком длинной мута-звериной жизни. Так мы отплатили им за верное служение Семи нашим расам в течение более полутысячи лет. С гибелью оставшихся не у дел транспортных животных завершилась целая эпоха, ни больше, ни меньше. Заметьте, я сказал «гибелью», а не утилизацией, как было принято называть Массовое Усыпление в газетах и официальных документах. И это не оговорка. Просто Торки Бикс всегда относил мутазверей к полноценным живым существам, а не к бездушным транспортным средствам, какими считали их авторы того эпохального и чудовищного указа...

Впрочем, что это я все о грустном да о грустном? Кого интересует брюзжание старого пня, живущего одними воспоминаниями и недовольного всем на свете: от идиотской политики и высоких цен до вызывающих современных нравов и вечно мерзкой погоды. Давайте-ка лучше Торки Бикс поведаст вам самую захватывающую историю из тех, какие случались со мной во времена бурной молодости. Те замечательные времена, когда таким лихим ребятам, как мы – погонщики-нелегалы, – приходилось постоянно жить на предельной скорости. Мы пересекали из конца в конец просторы материков по многу раз за год, проводя сутки напролет в седлах мута-зверей и устраивая азартные гонки с мобильными полицейскими патрулями. Законники тогда, между прочим, тоже были не чета сегодняшним и ничем не уступали в погонщицком мастерстве и смекалке нашему бесшабашному брату. Современные полицейские и близко не стоят со своими отчаянными предшественниками. Не верите – спросите любого из моих ровесников, кому в молодые годы довелось попасться в цепкие руки закона и отмотать срок на каторге.

Да, каторга... И я бывал там, а как же? Все мы порой допускаем ошибки, и Торки Бикс в этом плане – не исключение. Вот с каторги-то я, пожалуй, и начну свой рассказ, а вы пока усаживайтесь поудобнее и постарайтесь не перебивать. История будет длинная, да и я, признаться, страсть как люблю поболтать. А если в чем-нибудь мой рассказ покажется вам неправдоподобным, то уверяю: никакого приукрашивания – все именно так и было. И не смотрите, что я старик, – память у меня еще о-го-го, хотя иногда, случается, и подводит.

Но только не сегодня. Это приключение я помню во всех подробностях, потому что забыть такое попросту невозможно. Тем более что причиной всех произошедших со мной передраг была роковая красotka в полицейском мундире. Вы правильно догадались: в моей истории найдется место и для любви. Той самой любви, ради которой мы готовы совершать любые несусветные глупости, ни на миг не задумываясь об их последствиях. Однако даже сейчас, по прошествии многих лет, я нисколько не жалею о том, что тогда натворил. А набедокурил Торки Бикс в тот год особенно знатно, поверьте на слово... Но не будем забегать вперед, а начнем по порядку, как я и обещал – с каторги...

1

Всю свою жизнь я зарекался связываться с ящерами – этими хвостатыми прямоходящими тварями с рыжей чешуей, желтыми глазами и огненной отрыжкой, способной ненароком обжечь тебе лицо, если при разговоре с ящером ты подойдешь к нему чересчур близко. Но всегда получалось так, что мой зарок оказывался нарушен. Судьба будто нарочно раз от разу вынуждала меня заключать договоры с теми, кого я больше всего ненавидел. Впрочем, те, кому я обычно доверял, предавали ничуть не реже. Любопытная закономерность, не правда ли?

Боги свидетели, нет в нашем мире более коварных и мерзких существ, чем ящеры! Покрытые хитиновыми пластинами, четверорукие аррауны и те в сравнении с ящерами кажутся просто милашками, хотя они ненавидят нас – людей – куда сильнее огнедышащих чешуйчатых пройдох. И пусть вас не вводят в заблуждение холодные взгляды разумных рептилий, остающиеся бесстрастными в любой, даже проигрышной ситуации. Это равнодушие – всего лишь ширма; врожденный дар, помогающий ящерам скрывать их извечное вероломство.

Здесь, на каторге Рэдис, что расположена на одноименном мелком островке посреди одного из многочисленных озер на севере Истинной Империи, где я вот уже год влачу свое тяжкое наказание, ящеров-заключенных не слишком много. Но держатся они довольно-таки дружно, не чета людям и остальным. Дружнее ящеров в лагере живут лишь оборотни келебра – злобные уроженцы Сумеречных земель. Келебра и верховодят среди заключенных, заставляя людей, арраунов, тэнки, а также редких на нашей каторге цвергов и сидов выплачивать им – оборотням – ежедневный «налог на жизнь». Это означает, что из семи каменных блоков, которые я вырубаю за день на каменоломне, один всегда идет в зачет не мне, а кому-то из келебра. Поэтому лохматые ублюдки особо не надрываются, а их лидеры и вовсе не выходят из бараков на работу. А вот ящеров оборотни налогом не облагают. Между этими двумя компаниями установлен паритет; я краем уха слышал, что это как-то связано с делишками, которые совместно проворачивают на воле могущественные покровители той и другой лагерной группировки.

Благодаря «налогу на жизнь», мой срок на каторге Рэдис автоматически увеличился на три тысячи шестьсот с лишним блоков. То есть более чем на полтора года при моем нынешнем рабочем темпе. Но это при условии, что я буду долбить руду, как безмозглый проходчик-каменгрыз, и не пропущу за это время ни одного трудового дня. Что, разумеется, попросту невозможно. За год моего заключения не проходило и месяца, чтобы я не свалился на пару суток от изнеможения или болезней. И чем дальше, тем это происходило со мной все чаще и чаще. Так что выдать Велланскому Союзу положенные мне по приговору двадцать пять с половиной тысяч блоков магической руды я, судя по всему, не сумею и загнусь от полного истощения через годик-другой. Увы, но такова ужасная реальность...

День за днем я долбил кайлом эту проклятую руду, таскал вырубленные мной куски на склад, а каждый вечер отдавал свой последний блок одному из келебра, встречающего меня на выходе из каменоломни. Волей-неволей я смирился с таким порядком вещей и потому был немало удивлен, когда однажды вместо свирепого оборотня мой путь преградил двухметровый гигант-ящер. Вжав голову в плечи, я покорно протянул ему «налоговый» блок – какая, в принципе, жалкому человечешке разница, кому из сильных мира сего платить дань? – но чешуйчатое существо почему-то отказалось взять мою ношу. Презрительно фыркнув, ящер ткнул лапой в сторону склада, после чего двинул мне по шее, устремив таким образом в нужном направлении.

Потупив взор, я заковылял по привычному маршруту, попутно гадая, чем объясняется эта невероятная, по здешним меркам, милость и почему оборотни вместо своего громилы прислали ко мне представителя группировки «независимых». Я не оглядывался, но отчетливо слы-

шал, что ящер плетется следом, а значит, наш разговор не окончен. Вернее, он еще и не начался.

Терпеть не могу перемены, когда понятия не имеешь, к чему они в итоге приведут!

Крылатый приемщик-тэнки принял у меня груз и сделал соответствующую отметку в ведомости – я пригляделся, – да, аккурат напротив моего имени. Седьмой блок руды за день – вот это да! Такого со мной еще не было – чем не повод для радости? Впрочем, проявленное келебра снисхождение еще не гарантировало от того, что завтра они не обложат меня двойным, а то и тройным налогом... Ну так это будет завтра, а сегодня у каторжника Торки Бикса выдался маленький праздник. Жаль, отмечать его придется за ужином все той же тошнотворной протеиновой баландой да стаканом безвкусного энергетического напитка...

Мой желтобрюхий спутник дождался, пока я улажу дела с приемщиком, после чего поминал меня за собой и направился в сторону северных барakov. Именно там, у подножия скал, на не доступном пронизывающим ветрам пяточке, обитали оборотни и ящеры. Я всегда старался без нужды не забредать в тот опасный район лагеря, где простой работяга вроде меня мог шутя нарваться на неприятности. Но сейчас мне было некуда деваться, и я покорно поплелся за провожатым.

Побери их всех мерзкий Шинтай и слуга его Басард, вместе взятые!

Группировка ящеров занимала не самый привилегированный барак, но в любом случае в их обиталище было гораздо теплее, чем у людей. Еще бы, ведь это нам, бесправным созданиям, совершенно некогда утеплять стены и латать прохудившуюся крышу; удел работяг – руда, только руда и ничего, кроме руды. А ящеры живут по менее суровому распорядку, и у них всегда отыщется время на обустройство собственного жилища. В нем даже отсутствовала вонь, которая никогда не выветривалась из людских барakov, несмотря на постоянные сквозняки, гуляющие в обветшалых, полуразвалившихся стенах. Впрочем, дело тут вовсе не в чистоплотности ящеров, а в том, что они никогда не потеют и, как следствие этого, могут месяцами не мыться.

Не успел я осмотреться, как провожатый сильным толчком в спину сбил меня с ног, и я расстелился на полу, посыпанном колючей каменной крошкой. Торки Бикс и не ожидал от ящеров теплого приема, но все равно, к чему эта беспричинная грубость, когда можно было обойтись без нее? Ведь я не дерзил, не сопротивлялся и вообще вел себя тише воды, ниже травы, так почему не проявить ко мне хотя бы мало-мальское уважение?

Я горестно вздохнул, поднял голову и увидел прямо перед носом две грубые чешуйчатые ступни. Видимо, их обладателю рассыпанный по бараку колкий гравий был столь же приятен, как для человека – мягкий мелкий песок. Опасаясь получить пинок в лицо, я поспешно отполз назад и только потом осмелился взглянуть на ящера, под ноги которому меня бесцеремонно швырнули.

Карадор... Владыка одной из крупнейших преступных гильдий Брайхорна. Самый старый и авторитетный ящер среди огнедышащих заключенных. Его рыжая чешуя не блестела, как это бывает у молодых особей, а выглядела потертой, словно ее долго обрабатывали крупным песком. Очевидно, старик-ящер давно не сбрасывал шкуру, а раз так, значит, ему осталось жить совсем немного. По меркам ящеров, естественно. А для них такое «немного» могло растянуться на добрый десяток лет.

– Торки Бикс? – булькающим голосом полюбопытствовал Карадор. Я едва разобрал, что он произнес мое имя, – настолько неузнаваемо звучало оно на диалекте уроженцев далекого Брайхорна.

– Да, огнедышащий, – подтвердил я, вспомнив, как принято уважительно обращаться к ящерам, после чего с опаской оглянулся и поднялся с пола. Провожатый никак на это не отреагировал, и я почувствовал себя немного увереннее. Кроме нас троих, в бараке больше

никого не было. Стало понятно, что разговор предназначен не для посторонних ушей, но я терялся в догадках, зачем вообще моя ничтожная персона могла понадобиться Карадору.

– Тот самый Торки Бикс, которого когда-то называли лучшим погонщиком в мире? – уточнил старик.

Пришлось согласиться и с этим, поскольку известная ящерам информация соответствовала действительности. Вот только мне больно резануло слух слово «когда-то», но тут уже ничего не попишешь: времена Молниеносного Бикса действительно миновали, и сегодня на просторах Атрейи и Санадарии царствуют новые короли скорости. Мое же имя в лучшем случае останется в воспоминаниях, а в худшем... А, ладно, к чему ворошить прошлое? Одна тоска от такой ностальгии.

– До того как я угодил сюда, мне не раз доводилось слышать о тебе, – признался старый ящер. – У нас на родине, в Аман-Анадоре, хорошие погонщики всегда были в почете. Тебе доводилось посещать Брайхорн?

– Я бывал в ваших краях, – кивнул я и уточнил: – Теневые гильдии Альянса Трех часто нанимали меня для перевозки особо ценных грузов через пограничные территории и ничейные земли.

– На кого именно ты работал, тонкокожий? – заинтересовался Карадор.

– Торки Бикс не помнит, огнедышащий, – потупив взор, вздохнул я. Конечно, это была ложь, но сказать правду я не мог при всем желании. Разве только под пыткой – в данном случае я за себя уже не ручался. – Но могу точно сказать, что ваша гильдия никогда не давала мне поручений.

– Это правильный ответ, – удовлетворенно пробулькал вожак «независимых». – Ответ ты иначе, и я немедленно приказал бы Гробуру оторвать тебе голову. Отрадно, что ты продолжаешь чтить наш кодекс. Даже сегодня, когда тебя превратили в жалкого раба... Скажи, как случилось, что самый быстрый погонщик в мире позволил себя схватить какой-то тупой полицейской шлюхе?

М-да, оказывается, этим мерзавцам известны и такие подробности... Верно говорят: брайхорнцам палец в рот не клади – отхватят руку по самое плечо. Ума не приложу, откуда Карадор выведал мою подноготную, но информаторы у него отменные, это точно. За год каторжных работ Торки Бикс едва не забыл собственное имя, а владыка некогда самой влиятельной преступной гильдии Брайхорна, сидя здесь, осведомлен обо всем, что творится в мире. Да будь у меня на воле такие связи, я, наверное, давно добился бы перевода с этого поганого острова куда-нибудь южнее – туда, где нет таких лютых ветров и руда в каменоломнях, по слухам, мягкая, словно глина.

– Капитан Кайлина Лэнс вовсе не шлюха, – робко возразил я. Вот уж не думал, что даже сегодня, когда мне стала доподлинно известна двуличная натура этой черноволосой бестии, я буду за нее заступаться. Ведь это по ее милости я нарубил для магов Союза *Шинтай* его знает, сколько тонн руды. – Она просто выполняла свою работу. Я сам виноват, что позволил себя схватить.

Смех Карадора напомнил мне шипение воды, выплеснувшейся на раскаленные угли, и сопровождался огненными всполохами, вылетающими при этом из пасти ящера.

– Любовь! – саркастически провозгласил он, когда наконец успокоился и прекратил плевать огнем. – Одна из фатальных человеческих слабостей, что губила и несомненно погубит еще много твоих тонкокожих братьев, Бикс. Раньше я всегда завидовал людям – единственным в этом мире, кто способен настолько возвышать обычный акт продолжения рода. Мне казалось, что Боги открыли вам некую великую истину, непостижимую для других смертных. Но сегодня понимаю, что на самом деле любовь – это ваше проклятье, наподобие того, которое наслала злобная Морэг на келебра, превратив их прежде благородное племя в оборотней... Что ж, теперь мне ясна причина падения Молниеносного Бикса. И впрямь, ничего удивитель-

ного; можно было и без подсказок догадаться... Ладно, давай теперь потолкуем о деле. Скажи, тонкокожий, что бы отдал за шанс выбраться с Рэдис?

– Все, что угодно, огнедышащий! – как на духу ответил я.

– Оно и видно, – заметил Карадор, сочувственно оглядев с ног до головы мою исхудалую сгорбленную фигуру. – Тогда вот тебе еще вопрос: реально ли добраться за три дня от южных отрогов тех гор... – ящер указал в окно на виднеющуюся с острова горную гряду на южном берегу озера, – до столицы Блистающих земель?

– То есть, от северных границ Истинной Империи до города Рубина? – переспросил я, быстро прикинув в уме заданный маршрут. Несмотря на то что мне больше года не доводилось заниматься навигационными расчетами, я еще не утратил навыков погонщика. Тому, кто всю сознательную жизнь бороздил воздушные просторы над материками, трудно за столь короткий срок позабыть основы основ погонщицкого ремесла. – За три дня? Хм-м... – Я почесал липкую от грязи макушку. – Нет, огнедышащий, это нереально. Даже окажись в распоряжении вашего погонщика турбошмель-перехватчик, вам не долететь на нем до земель цвергов за такое малое время.

– А при снятом ограничителе? – осведомился Карадор.

Вот Шинтай! И откуда только старику известны такие технические тонкости? Видать, специально интересовался секретами погонщиков, а раз так, значит, вопрос о скоростном путешествии на юг был задан ящером не ради праздного любопытства.

– Летать на турбошмеле без ограничителя – гиблая затея, – уверенно заявил я. – Такое практикуется лишь на нелегальных гонках в пустыне Хайран, строго по прямой и на небольшое расстояние. При этом редко в каком турнире обходится без жертв. Необузданный турбо-шмель – это потенциальный убийца и для погонщика, и для его пассажиров.

– Я в курсе, что ты иногда участвовал в этих гонках и побеждал на них, – сказал владыка теневой гильдии. – Поэтому, коли тонкокожий и впрямь хочет выбраться с Рэдис, ему придется согласиться сделать то, о чем я его только что спрашивал. Мы вытаскиваем тебя с каторги, а ты взамен на это в трехдневный срок доставляешь одного из наших братьев в столицу Блистающих земель. Хочешь, лети на турбошмеле с ограничителем, хочешь – без него, но если в указанное время ты не доберешься до Рубина, пеняй на себя. Ты работал с нашими гильдиями и прекрасно знаешь, как мы поступаем с теми, кто нарушает деловые соглашения. Итак, твое слово?

– Каким образом вы намерены устроить для меня побег? – Мне не терпелось прояснить именно эту деталь, хотя я был уверен, что если Карадор пообещал отправить меня на волю, значит, он отвечает за свои слова.

– Ишь ты какой! – обозлился ящер, полыхнув в гневе огнем из пасти. По опыту общения со вспыльчивыми брайхорнцами я усвоил, что до настоящей злости их лучше не доводить. – Подробности ему подавай! Второй и последний раз спрашиваю: да или нет? Но, прежде чем отказаться, знай: мы выкупили тебя у оборотней за десять килограммов сочного сырого мяса! Надеюсь, тонкокожему не надо напоминать, сколько в Рэдисе стоит настоящее мясо и как трудно его здесь достать? Чтобы покрыть неустойку, тебе придется в течение целого года отдавать нам половину всей добытой тобой руды.

– Тонкокожий согласен бежать! – припертый к стенке новыми аргументами, выпалил я. Карадор, как и все брайхорнцы, обладал талантом уговаривать сомневающихся.

«Да гори оно все огнем! – решил я. – Велика ли разница, где подохнуть: в каменоломне, при побеге с острова или в седле необузданного турбошмеля! Конечно, для человека-легенды Торки Бикса идеально подошел бы последний вариант, только кто даст гарантию, что весть о моей славной кончине разнесется по миру Пророчества? Так и кану в безвестности где-нибудь посреди диких бескрайних лесов Империи... Ну и плевать! Будь что будет, и да поможет мне дух великого мага Эрена, покровителя всех погонщиков!»

– Торки Бикс поступил очень мудро, – изрек... вернее, пробулькал древний, как сами Боги, ящер. «А старикашка-то с юмором, ничего не скажешь. Загнать бы тебя в такой же тупик и посмотреть, что бы ты на моем месте ответил!» – Не всякий тонкокожий способен быстро принять взвешенное решение, когда на кон поставлена его жизнь.

– Прошу прощения, о великодушный огнедышащий, – как можно тактичнее обратился я к Карадору, – но не затруднит ли вас хотя бы намекнуть, когда и каким образом я покину это отвратительное место?

– Как только придет время, Гробур посвятит тебя во все подробности, – уклонился от ответа брайхорнец и кивнул в сторону моего провожатого. – А пока долби свои камни и постарайся сильно не перетруждаться. Помни: ты нужен нам абсолютно здоровым и готовым на подвиги. И не волнуйся насчет келебра: больше они тебя не тронут...

2

Ожидание судьбоносного момента продлилось ровно неделю. Как выяснилось, побег был запланирован на ночь Злого Знамени – единственную ночь в году, когда в небе над Санадарией и Атрейей проносилась огромная комета Каллахана – предвестница всяческих бед. Известно, как было в стародавние времена, до пришествия в мир Богов, но на протяжении последних семнадцати веков появление этого светила всегда сопровождалось всплеском насилия по всей планете. Резню неизменно провоцировали келебра, ибо зловеще-багровый свет кометы вызывал у оборотней повальное неконтролируемое перевоплощение в звериную сущность и на порядок повышал их и без того неумную кровожадность. В ночь Злого Знамени улицы городов и деревень пустели, а их жители до рассвета таились по подвалам и держали наготове оружие.

Ежегодная массовая одержимость келебра вынудила заняться этой проблемой университет магии в Истадале. И вот уже несколько столетий его лучшие ученики из расы сидов – прирожденных магов – выходят при появлении кометы на сдерживание обезумевших оборотней. Что, к сожалению, далеко не всегда удается достичь одной лишь магической силой. И потому год от года Злое Знамя сопровождается проносившейся по миру неотвратимой и бессмысленной бойней.

Охраняющие каторгу Рэдис крикливые наемные надсмотрщики-тэнки в эту беспокойную ночь тоже прибегали к помощи заезжих магов. В прошлом году наш остров посетило трое сидов, которые до утра в поте лица удерживали магические барьеры над загнанными в бараки оборотнями. Я и многие другие заключенные не сомкнули глаз, трясаясь от страха и слушая, как взбесившиеся келебра рвутся наружу, кидаясь на стены, и в слепой ярости дерут друг друга клыками. Но хвала Богам, сиды справились со своей задачей и не дали кровавому безумию высвободиться из возведенного ими энергетического кокона. На исходе той бесконечно долгой ночи, когда буйство оборотней наконец-то улеглось, троица магов выглядела настолько изможденной, словно неделю без передыху проработала бок о бок с нами на каменоломне. А я-то, болван, прежде считал, что занятие магией – самое легкое и необременительное из всех известных мне занятий. Как же глубоко, оказывается, Торки Бикс заблуждался в этом вопросе.

Недавно в Рэдис пригнали дополнительную крупную партию заключенных-келебра, поэтому прибывшая нынче из Истадала группа поддержки была усилена еще парочкой магов. Вернувшись из каменоломни (памятуя наказ Карадора, теперь я выдалбливал в день не семь, а лишь четыре блока руды, что несомненно благотворным образом сказалось на моем самочувствии), я остался вместе с остальными заключенными наблюдать за любопытным ритуалом сидов. Они тщательно готовились ко всеобщей борьбе со смертельной угрозой: чертили на камнях какие-то символы, производили руками недоступные моему пониманию пассы и сжигали вокруг барачных оборотней охапки магических трав. Посаженные под замок, келебра свирепо взирали на магов из зарешеченных окошек, рычали и скалились. Час оборотней пока не пробил, но они уже загравками чуяли скорое появление кометы Каллахана и потому нервничали.

Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел своего знакомого ящера Гробура, который жестом поманил меня за барак.

– Сегодня после заката, – сообщил он мне, не уточняя, что конкретно произойдет ночью, поскольку я это и так прекрасно знал. – Как только сиды начнут представление, выходи из барака и беги к северным скалам. Дверь будет открыта – с кем надо, уже договорено. А пока возьми вот это и спрячь получше.

И Гробур всучил мне маленький круглый баллончик с кислородом, который я тут же быстрым движением сунул за пазуху куртки. И только потом спросил:

– А это еще зачем?

Кислород считался у ящеров весьма ценным наркотиком. Вдыхая его, брайхорнцы-кисломаны стимулировали свои порождающие огонь железы и испытывали чувство сильной эйфории. Кислородные баллончики попадали в Рэдис по нелегальным каналам и ценились у ящеров столь же высоко, как сырое мясо у оборотней. Поэтому преподнесенный мне Гробуром подарок следовало считать очередной крупной инвестицией Карадора в освобождение Торки Бикса.

– Будешь дышать под водой. Тонкокожему хватит воздуха на полчаса. За это время мы должны доплыть до берега.

– Так ты отправляешься на материк вместе со мной? – дошло до меня.

Гробур не ответил, лишь бросил напоследок: «Не забудь, что я тебе сказал», – и скрылся за углом барака.

Меня терзала прорва сомнений и беспочвенных догадок. Но я не стал заикливаться на пораженческих мыслях и предпочел провести оставшееся до появления кометы время, отдыхая и собираясь с силами.

Я был сильно взбудоражен, но, несмотря на это, мне удалось на часок смежить веки и вздремнуть. Разбудил меня рев сотни озверелых келебра, дождавшихся-таки своей ненаглядной кометы и теперь вождеющих лишь крови и свежего теплого мяса. Вопли оборотней сопровождались несмолкающим грохотом, треском и яркими вспышками молний. Однако виной тому была отнюдь не непогода, как могло показаться спросонок. Гром и молнии порождались магическими барьерами сидов, окруживших бараки оборотней непроницаемой для них энергетической стеной. Сами маги рассредоточились по периметру полупрозрачного, наэлектризованного ограждения и неустанно следили, чтобы оно не ослабело. Отряд готовых прийти им на подмогу, вооруженных до зубов (а ежели быть точным – до птицеподобных клювов) наемников-тэнки выстроился чуть поодаль и не спускал глаз с разыгравшегося в лагере действия.

Мои соседи по бараку вели себя по-разному. Заключение, что жили в Рэдис не первый год и привыкли к подобной суматохе, как ни в чем не бывало отсыпались после тяжелого трудового дня. Новички забились под одеяла и стучали зубами от страха. Самые же любопытные прильнули к окнам, разинув рты от удивления, – какое-никакое, а разнообразие в бесконечной череде унылых серых будней.

Фонари в бараке не горели, а яркие блики молний в ночи лишь ухудшали видимость, не давая глазам привыкнуть ни к свету, ни к мраку. Я подкрался бочком ко входной двери и аккуратно подергал ее за ручку. Действительно, не заперто! Приглядевшись напоследок, не следит ли кто, и не обнаружив ничего подозрительного, я приоткрыл дверь и тенью шмыгнул во двор. Не забыв, разумеется, задвинуть за собой внешний засов – для пущей надежности и во избежание ненужных попутчиков.

Добраться до скалистого северного побережья было, пожалуй, наиболее легким этапом моего бегства. Все до единого тэнки околачивались сейчас на опасном участке острова, а иначе мой анонимный освободитель ни за что не оставил бы на виду открытую барачную дверь. Прячась в тени бараков, я перебежками достиг зоны каменоломен, где было гораздо проще затеряться среди нагромождений глыб, лебедок и куч каменного отсева. Затем, спустившись с крутого берега на побережье, я обогнул ревущий и грохочущий лагерь понизу и вскоре достиг условленного места встречи с Гробуром.

Брайхорнец был уже там, на остроконечном скальном выступе, врезающемся в озеро, подобно лодочному пирсу. Гробур стоял на четвереньках у кромки воды и внимательно всматривался в глубину, словно что-то обронил и пытался отыскать потерю. Вдобавок тварь что-то без умолку бормотала на своем утробном булькающем языке. Боясь, как бы увлеченный странным занятием ящер не принял меня с перепугу за врага, я остановился у начала «пирса»

и решил дожидаться, когда желтобрюхий закончит шептаться с озером и сам обнаружит мое присутствие. Однако не успел я перевести дух, как Гробур меня окрикнул:

– Подойди!

Доносившийся из лагеря гвалт вынуждал нас общаться в полный голос, но вряд ли наш разговор был слышен в радиусе более десяти шагов. Треск молний, удары грома и рев келебра заглушали в округе все прочие звуки.

Я приблизился, но ящер не счел нужным объяснять тонкокожему суть своих действий, лишь приказал:

– Стой здесь и никуда не отлучайся.

После чего продолжил свое невразумительное бормотание. Судя по интонации, Гробур кого-то настойчиво звал. Но утверждать это наверняка я бы, конечно, не стал.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем компаньон прекратил испытывать мое любопытство и поднялся с камней. Напоследок он ненадолго окунул в воду голову и вроде бы как прислушался, не отзывается ли кто на его пространную просьбу.

– Чем это ты занимался? – не выдержал я, хотя и не был уверен, что Гробур снизойдет до объяснений. Но, вопреки ожиданиям, он все же ответил:

– Призывал одного из Предков Карадора. Просил прощения за беспокойство и узнавал, согласится ли Предок нам помочь.

– Погоди-ка, – оживился я, – но ведь насколько мне известно, вы – ящеры – имеете право обратиться к своим Предкам лишь раз в жизни. И только в случае крайней нужды. Неужто Карадор подарил тебе свою единственную возможность покинуть Рэдис? А вдруг Анадор еще улыбнется ему и даст шанс на спасение?

– Карадор стар, болен и очень скоро умрет, – ответил Гробур. – Какой ему смысл устраивать для себя побег, после чего последует неминуемое ужесточение режима и множество наших братьев, осужденных на сто тысяч и более блоков руды, лишатся последней надежды вернуться в Брайхорн. Мой владыка поступил воистину справедливо, и мы с тобой будем всю жизнь обязаны ему за это.

– Ладно, предположим, тебе удалось докричаться до Предка, – не отставал я, в глубине души согласившись с компаньоном, что Карадор и впрямь проявил немислимое для желтобрюхого благородство. – Как же он прорвется к острову сквозь Колпак Палача? Утверждают, будто этот защитный экран простирается от небес до дна озера и даже головастик не проскочит внутрь его.

– Разве тебе не известно, что заклинание Колпак Палача служит не только для распыления тех, кто пытается убежать с закрытой им территории, но и для блокирования других магических заклинаний? Тех, которыми владеет около четверти заключенных на Рэдисе. Это таких, как ты, могут сослать на каторгу куда угодно, а магов – лишь в специализированные лагеря. Наш – особенный, поскольку предназначен для содержания даже мастеров-сидов. Однако почему прибывшие сегодня из столицы маги не только добрались до Рэдиса, но еще и беспрепятственно колдуют под Колпаком Палача?

– В связи со Злым Знаменем Колпак временно отключен? – предположил я.

– Не отключен, а лишь немного сдвинут, – поправил меня Гробур. – Аккурат чтобы дать возможность столичным магам хозяйничать в жилой зоне лагеря. Предок Карадора заберет нас отсюда и доставит на северный берег озера. А теперь заткнись, тонкокожий. Я чую приближение Предка, а в их присутствии нельзя разговаривать. Все переговоры с ними мы ведем только через посредника.

Что за существа эти посредники, я понятия не имел, поскольку услышал о них впервые. Но о Предках мне в свое время брайхорнцы кое-что рассказывали. Предки эти якобы являлись особой разновидностью бессмертных водоплавающих ящеров, способных вбирать в себя души всех умерших рептилий, и разумных, и диких. Еще поговаривали, будто эти подводные

коллекционеры душ могут подплывать к поверхности воды, но никогда не кажут носа (или что там у них выполняет функции этого органа?) на воздух. Правда это или нет, я должен был убедиться в течение ближайших минут.

Все вышло так, как мне и рассказывали. За исключением того, что я даже не представлял, насколько огромны эти чудовища...

Гладь озера по-прежнему оставалась спокойной, когда Гробур приказал мне открыть клапан кислородного баллончика, сунуть в рот дыхательный мундштук и прыгнуть с «пирса» в воду. Время сомнений ушло, и я поспешил в точности выполнить все указания компаньона.

Что требовалось от меня под водой, я спросить не успел – ящер нырнул и скрылся с глаз, только его и видели. Погрузившись следом за ним в чужеродную для Торки Бикса стихию – с детства ненавидел воду, но сегодня я был готов отрастить даже жабры, лишь бы убраться с опостылевшего Рэдиса, – я почувствовал, как крепкая лапа Гробура ухватила меня за шкуру и потянула ко дну.

Дышать из баллончика было не слишком удобно, но вполне терпимо. Пока я приспособивался к этому, ящер уволок меня довольно глубоко, но не настолько, чтобы давление воды начало причинять дискомфорт. Прекратив погружение, провожатый подтолкнул меня вперед, и я ткнулся лбом не то в торчащую изо дна сваю, не то в шершавый ствол затонувшего дерева. Резонно полагая, что глупый Бикс не сообразит, что ему делать, Гробур насильно прицепил мои руки к этому стволу, заставив обнять его, словно девушку. А потом пропал, оставив меня теряться в догадках касательно происходящего.

Не отпуская ствола, я принял в воде вертикальное положение и сразу нащупал под ногами жесткую опору. Но едва мои ступни встали на нечто, принятое мной поначалу за дно водоема, как вдруг незыблемая, казалось бы, свая решила вырваться у меня из объятий, словно и впрямь была живой. Я, естественно, этому воспротивился и вцепился в нее еще крепче. После чего опора тут же ушла у меня из-под ног, а сам я внезапно почувствовал сильное течение, ударившее мне в лицо.

Ясное дело, что в действительности все происходило наоборот и это не вода пришла в движение, а я вместе со «сваей» понесся сквозь водную толщу в неизвестном направлении. Кое-как закрепившись на ускользящем из рук бревне, я вдобавок изловчился и обхватил его ногами, что позволило ощутить себя гораздо увереннее и худо-бедно сориентироваться в пространстве.

От возникшей в голове кошмарной догадки я нервно икнул. Шинтай меня побери, да ведь я тискаю вовсе не сваю, а под ногами – никакое не дно! Этот змеиный выродок Гробур усадил меня на спину Предку Карадора (да храни вас Боги от такой родни!), заставив держаться то ли за длинный рог монстра, то ли за один из костяных отростков на его уродливом теле. И теперь я плыву по озеру, оседлав самое исполинское транспортное существо во всей моей впечатляющей карьере погонщика.

Хотя нет, вру: на сей раз Торки Бикс был лишь пассажиром и не имел возможности даже на миллиметр изменить курс несущего меня сквозь бездну чудовища. Рассмотреть что-либо интересное в крошечной тьме, да еще при таком встречном течении, было нереально. Поэтому я закрыл глаза и начал молить дух покровителя Эрена, чтобы кислород в баллончике не закончился преждевременно. Глубина, на которой мы путешествовали, была небольшой – ящеры явно беспокоились о жизни тонкокожего. Однако неизвестно, хватит ли мне в случае чего сил доплыть до поверхности и не нахлебаться воды. Так что приходилось дышать пореже, экономя каждый глоток драгоценного воздуха.

Вести счет времени в таком путешествии было затруднительно. Единственным «таймером» для меня мог служить все тот же баллончик, запасов воздуха в коем, согласно заверению Гробура, было на полчаса. Ну, при максимальной экономии – минут на сорок. Дабы хоть чуть-чуть придать себе оптимизма, я подумал о том, что скорость Предка сейчас равнялась скоро-

сти, с какой отдаляется от меня каторга Рэдис. И потому все мои неудобства – мелочи на фоне той проблемы, что осталась у меня за спиной. Какие бы лишения ни ожидали Торки Бикса впереди, на каторгу он не вернется. Ни за что! Если понадобится, перегрызу себе вены или разможу голову о стену, но в жизни больше не возьму в руки опостылевшее кайло.

Воздух в баллончике еще не иссяк, когда бьющее в лицо течение плавно сошло на нет и перестало отрывать меня от опоры. Тело вмиг обрело невиданную легкость, и меня неудержимо поволокло вверх. Мне даже не приходилось прилагать к этому усилий – я всплывал на поверхность, будто...

Ладно, обойдемся без аналогий. Тем паче вскоре выяснилось, что всплыл я не сам, а с помощью своего опекуна Гробура, вытянувшего меня на воздух за шиворот. Следовало догадаться, что миссия Предка исчерпана и мы прибыли на место. Наверняка ящер направил перевозчика на вполне конкретную цель, а не просто попросил его доставить нас к берегу. Ответный мне на путь до Рубина срок был и без того катастрофически мал, и очень не хотелось растрачивать дефицитное время на банальный поиск точки старта.

До берега оказалось рукой подать, и мы преодолели это расстояние вплавь за пару минут. Пейзаж был практически неотличим от островного: такие же скалы, озерная гладь до горизонта и проклятая комета Каллахана на ночном небе. Не будь мой компаньон инициатором этого побега, я решил бы, что он меня надул и доставил обратно, на остров.

Выбравшись на каменистый пляж, мы осмотрелись, определили, что все спокойно, после чего насухо отжали одежду.

– «Кислый» остался? – угрюмо спросил Гробур. Или мне почудилось, или я и впрямь услышал в его голосе неловкость. Хотя с какой бы стати ящеру стесняться своей пагубной привычки перед тонкокожим?

Я достал из кармана почти пустой баллончик и протянул его компаньону. Давно доказано, что пристрастие к кислороду и постоянная стимуляция огнерождающих желез медленно, но верно сводят ящеров в могилу. Чрезмерное употребление этого наркотика буквально выжигает рептилий-кисломанов изнутри, нарушая идеально сбалансированный природой, естественный термоиммунитет их высокотемпературных организмов. Разумеется, Гробуру это также было прекрасно известно. Однако, похоже, тварь крепко подсела на кислород – я понял это, заметив, как подрагивают лапы схватившего баллончик ящера.

Сунув мундштук в пасть, Гробур за один глубокий вдох опорожнил емкость и замер ненадолго, прикрыв глаза перепончатыми веками, будто шторками. А затем чихнул с такой силой, что вырвавшееся у него не только из пасти и ноздрей, а даже из ушей пламя целиком окутало желтобрюхого огненным облаком. Не будь одежда ящеров пошита из огнеупорных материалов, они явно разорились бы на своих гардеробах.

Вдохнув дозу, Гробур заметно приободрился, после чего отыскал одному ему известный ориентир и припустил к нему вразвалочку неуклюжей рысцой – обычная манера бега всех ящеров. Прежде я с трудом поспел бы за ним – бегуны из погонщиков, проводящих полжизни в седле, не ахти какие. Но за год упорного труда на каменоломне я привык к физическим нагрузкам, а последняя неделя, которую Торки Бикс по наказу Карадора посвятил восстановлению сил, привела меня в надлежащий тонус. Я бежал по берегу за Гробуром и даже не выдохся. Хотя удовольствия от такого занятия все равно не получал, ибо по моим критериям оно было ненамного приятнее махания кайлом.

Преодолев нагромождение скал, окаймлявших берег озера, мы выбрались на поросшее лесом невысокое нагорье, откуда должен был начаться наш путь по материке. Заснеженные пики далеких гор просматривались на горизонте в тусклом багряном свете кометы Каллахана. Две видимые луны из семилунного пояса планеты этой ночью пребывали в фазе полумесяца, и нам от них не было сейчас никакой пользы.

Мы бежали на юг до тех пор, пока на вершине очередной вставшей у нас на пути гряды не обнаружился разрушенный каменный алтарь одного из Богов. Кого именно, опознать мне не удалось. Статуя, обязанная возвышаться над алтарем, была разбита в осколки, разбросанные по всему близлежащему пространству. Одно можно было сказать точно: в здешних краях это божество не жаловали.

Гробур внимательно огляделся, а затем довольно фыркнул огнем, очевидно, обнаружив искомое. После чего подошел к обломку статуи, на котором лежала кишашая личинками мух птичья тушка – вероятно, условный знак. Смахнув с камня полусгнившие останки, компаньон отвалил его в сторону и извлек из вырытого под ним углубления туго набитый узел величиной с перезрелую тыкву.

– Хвала Анадору, братья выполнили свое обещание! – победоносно расхохотался Гробур и вытряхнул на заросший мхом, оскверненный алтарь содержимое узла.

Помимо двух комплектов одежды и обуви, в посылке обнаружались два энергетических кастета, судя по потертому виду, не раз бывавших в употреблении. Я хотел было взять себе тот, что первый подвернулся под руку, но Гробур, заметив это, бесцеремонно отпихнул меня от оружия.

– Назад! – прорычал он, гневно пуская из пасти языки пламени. – Это не для тебя!

– Испугался, что отвернешься и я разнесу тебе башку? Да, желтобрюхий? – огрызнулся я. На воле Торки Бикс наконец-то осознал собственную ценность для этих тварей и начал понемногу показывать гонор, подобно тому как выпущенная из тесной клетки птица расправляет истосковавшиеся по ветру крылья.

Вместо ответа ящер вновь харкнул огнем и молча швырнул мне мои шмотки.

Это оказалась не простая будничная одежда, в которой я мог бы без проблем затеряться в толпе, а самый настоящий комбинезон погонщика. Конечно, не такой шикарный, какой Молниеносный Бикс носил прежде, но тоже вполне приличный, правда, как и оружие, уже изрядно потертый (весьма сомнительно, что приятели Гробура приобрели форму погонщика на рынке. Вероятнее всего, стянули с трупа убиенного ими какого-нибудь бедолаги-скитальца вроде меня). Хорошая, мягкая и прочная, кожа болотного хурваруса, из которой был пошит комбинезон, тяжелые ботинки на рифленой подошве, а также пара специальных погонщицких перчаток-фиксаторов меня вполне устроили. Но благодарности ублюдок Гробур от меня все равно не дождался.

Выданная мне чересчур приметная одежда говорила вовсе не о безопасности ящеров, а, наоборот, демонстрировала их предусмотрительность. Меня ожидала бешеная трехдневная гонка через всю страну на необузданном турбошмеле. Обычное гражданское тряпье превратилось бы в лохмотья уже в начале этого путешествия. Так что лучше наших спецкомбинезонов для такого головокружительного вояжа было попросту не сыскать.

Скинув с себя провонявшую потом каторжную робу и переоблачившись в донельзя привычную одежду – практически мою вторую шкуру, – я обнаружил, что компаньон напялил такой же комбинезон, как мой, только пошитый под фигуру ящера и имеющий вырез для хвоста.

– Так, значит, это тебя я должен доставить в Рубин! – догадался я. До сего момента мне почему-то казалось, что Гробур был всего-навсего моим проводником к месту старта.

Ящер, как обычно, не ответил. Я заметил, что он вообще редко достаивал меня ответом. Высокомерный огнеплюй явно подозревал, что скоро человечешка опьянеет от воздуха свободы и, пользуясь своей безнаказанностью, начнет качать права и наглотать не по дням, а по часам. И правильно подозревал, желтобрюхий! Не имея возможности досадить ему более радикальными способами (Будь уверен, Гробур, тонкокожий не забыл все те тумачи, которые ты отвешивал ему на Рэдисе!), я стану изводить обидчика морально до тех пор, пока кипящая

в нем бессильная ярость не разорвет его на куски. Да, вот такая у Торки Бикса змеиная натура, пусть при этом он не состоит с рептилиями даже в отдаленном родстве.

Пока я переобувался, компаньон пристегнул себе на каждое запястье по энергокастету, а потом поставил их на боевой взвод и демонстративно расколол двумя ударами огромный камень. Сделано это было прямо у меня перед носом – более неоспоримой претензии на то, кто тут босс, ящер предъявить не мог.

– Намек понял! – Я капитулирующе поднял ладони. – Только умоляю: увидишь у меня на лбу комара, не убивай его, а просто скажи. А то, не дайте Боги, ненароком возьмешь и проломишь мне череп. И вообще, отныне советую держать себя в руках. Получу от тебя еще хотя бы один подзатыльник – и...

– И что?! – пророкотал ящер. Между шипами его энергокастетов проскочили искры силовых разрядов.

– Обижусь и до самого Рубина не буду с тобой разговаривать. – Я вмиг перешел на примирительный тон. – Ты начнешь помирать со скуки, а Торки Бикс и пальцем не пошевелит, чтобы тебя развеселить.

Гробур презрительно фыркнул, бросил: «Проваливаем отсюда», – развернулся и зашагал по направлению к широкому, заросшему лесом ущелью, что пролегло между двумя крутыми горными грядами и вело на юго-восток. Я попрыгал на месте, проверяя удобство новых ботинок, и, довольный результатом, потрусил следом за компаньоном.

А сверху на нас взирал мутный багровый глаз кометы Каллахана, напоминая о том, что ночь Злого Знаменья еще не закончилась...

3

– Шинтай! – выругался я, запнувшись за нечто тяжелое, лежащее на моем пути в невысокой, по колено, траве. Задетый ногой шарообразный предмет откатился в сторону и... вытаращился в небо мертвыми глазами навывкате. Это напугало меня еще сильнее, и я выругался повторно, с куда большей экспрессией.

– Чего разорался? – Гробур, бегущий впереди меня, тоже остановился и обернулся.

– Монг! – воскликнул я, разглядев в полумраке, что именно представляет из себя странный шар. – Поганый лесной монг! Не знал, что они здесь водятся!

– Это не монг, а только его голова, – уточнил педантичный ящер, присмотревшись к моей находке. И, поведя ноздрями по воздуху, добавил: – Оторвана от тела меньше часа назад. Кровь свежая, еще не запеклась.

Определять такие тонкости на нюх я не умел и потому задал закономерный вопрос:

– А где тело? Ты можешь сказать это, желтобрюхий? Давай, унюхай, где тело, и обойдем то место подальше – наверняка им сейчас лакомится какой-нибудь зубастый хищник. Или лучше отдай мне один кастет – так надежнее.

Проигнорировав мою последнюю просьбу, Гробур покрутил головой, втягивая носом ночные запахи, затем отошел на несколько шагов в сторону и уверенно заявил:

– Тело монга лежало здесь.

– И куда его уволокли? – осведомился я, подойдя к компаньону, склонившемуся над залитым кровью пяточком примятой травы.

– Никуда, – равнодушно отозвался ящер. – Монга сожрали вместе с костями и потрохами. А голову не тронули лишь потому, что тот, кто это сделал, наелся до отвала.

– И кто это сделал? – Мне было решительно непонятно хладнокровие Гробура.

Вместо ответа брайхорнец задрал морду и уставился на огромную красную комету.

– Какого Шинтая ты стоишь, желтобрюхий! – не выдержал я, невольно перейдя на шепот. – Где-то рядом шляется оборотень, а ты даже кастеты не взвел!

– Келебра отсюда ушел, я это уже проверил, – зевнул ящер. – Он подчиняется инстинкту, согласно которому после еды эти твари должны испражниться. А чисто плотные оборотни всегда делают это далеко от места пирушки. Так что расслабься, но не слишком – кто знает, сколько еще келебра охотится в этом лесу?

Вряд ли стоило целиком полагаться на чутье законченного кисломана, принявшего недавно дозу, и потому заверение компаньона меня слабо утешило. Но вот ведь досада: собственным инстинктам Торки Бикс доверял еще меньше.

– Сейчас меня больше интересует, что находится вон за тем лесом, – продолжил Гробур, указав пальцем прямо по курсу. – Оттуда доносятся странные запахи, но мне они незнакомы. Однако раз уж это по пути, следует провести разведку. Хотя бы для того, чтобы знать на будущее, надо нам остерегаться этих запахов или нет...

В ходе короткой разведки выяснилось, что озадачившие ящера флюиды испускали четверо резвобегов, брошенных без присмотра своими хозяевами посреди лесной поляны. Маленькие, плоскотелые резвобеги обладали двумя парами длинных и достаточно крепких ног. Благодаря тому что все конечности этого мутазверя были развернуты коленями назад, широко поставлены и оканчивались массивной устойчивой ступней, резвобег мог довольно быстро скакать по пересеченной местности и нести на себе двух пассажиров. Стиль бега у него особый, разработанный мутазверинами биоинженерами как раз для перемещения данной особи по бездорожью. Мощные ноги резвобега отталкивались от земли поочередно и в высоком темпе, отчего при езде на нем тряска ощущалась не так сильно, как, к примеру, на экзотавре – более универсальной особи того же класса легких транспортных животных.

– Надо полагать, их здесь не твои приятели оставили, – заметил я, кивнув в сторону четверки безнадзорных мутазверей.

– Нет, – помотал головой Гробур. – Мои братья должны были привезти нам посылку и убраться отсюда еще три дня назад. Да и к чему им было ехать вчетвером на такое простое дело?

– Чувешь поблизости погонщиков этих резвобегов?

– Нет, – уверенно ответил желтобрюхий, и опять его уверенность показалась мне слишком необоснованной. «Не доверяй ящерицу, а ящерицу-кисломану – тем более», – сказал бы мой старик-отец, будь он жив и находишься сейчас рядом со мной. Впрочем, даже ответ Гробура утвердительно, я все равно не отказался бы от своего плана, что созрел у меня в голове полминуты назад.

– Тогда пошли, позаимствуем у добрых тэнки одного мутазверя, пока хозяева не вернулись, – предложил я, решив, что транспорт принадлежит кому-то из местных жителей, и направился к поляне.

– Постой, тонкокожий, – полушепотом окликнул меня ящер. – Гробур не обучен управлять резвобегом. Я вообще... э-э-э... не умею повелевать мутазверьями. Даже элементарных команд не знаю.

– Поедешь позади меня в пассажирском седле. – Я не намеревался отступать от задуманной авантюры из-за такого пустяка.

– А как же намордник? У меня его нет! – продолжал терзаться сомнениями компаньон.

При езде на транспортных животных все брайхорнцы были обязаны надевать специальный намордник, поскольку мутазверья пугались огненного дыхания ящеров и выходили из-под контроля погонщиков.

– О Боги! – Я раздраженно всплеснул руками. – И всему-то тебя надо учить, желтобрюхий! Пока я установлю контакт с резвобегом, найди любой большой гриб, заткни им пасть и дыши через нос. Можешь даже взять ядовитый – честно говоря, нам с резвобегом на это плевать. И не вздумай проглотить кляп, прожорливая ты тварь! На запах жареных грибов мутазверья не реагируют – проверено, – но если ты на ходу ненароком чихнешь, нам конец.

Пристыженный Гробур что-то пробухтел под нос и пошел по грибы, а я в последний раз огляделся и, выйдя из-за дерева, двинул к примеченному мной резвобегу.

Молодому либо попросту бездарному погонщику сложно наладить контакт с чужим транспортным животным. Но опытным ездокам вроде меня эта задача по плечу. Вернее, по рукам. Усевшись в погонщицкое седло, я разогрел ладони, потеряв их друг о друга (Обязательная процедура, которой большинство погонщиков почему-то пренебрегает. А зря: теплые ладони сразу располагают к доверию и служат первейшим шагом к взаимопониманию с мутазверьями), снял с нейропульта защитную крышку и аккуратно – можно даже сказать, ласково – накрыл его ладонями.

Нейропульт любого мутазверя являет собой крупный шишковидный нарост, расположенный на спине, у основания черепа животного. На кожный покров этого нароста маги-биоинженеры, последователи гениального Эрена, выводят тысячи особых нервных окончаний, по которым погонщик посылает мысленные команды-импульсы прямо в мозг транспортного животного. Мягкие фиксаторы перчаток бережно закрепили мои разогретые ладони, по сути, на оголенных нервах резвобега, а он в свою очередь, фигурально выражаясь, прикоснулся к моему сознанию и сразу же ощутил мой открытый доброжелательный настрой. После чего увидел в Торки Биксе лучшего друга и стал полностью ему доверять. И, разумеется, подчиняться всем без исключения командам постороннего погонщика.

Установив контакт, я оперативно сохранил его параметры в специальном буфере обмена нейроимпульсами и теперь мог впасть в любое настроение – от безудержного ликования до дикой злобы, – а мутазверь этого даже не заподозрит. Наше общение с ним будет протекать в

одном незыблемом ключе – том, который мы с резвобегом выбрали при знакомстве. Законы эти были введены в обиход полтысячи лет назад великим магом-биоинженером Эреном, одним из авторов Указа о Транспорте, и с тех пор не претерпели ни малейших изменений. Воистину справедливые и почитаемые мной, вплоть до последней буквы, принципы. Увы, но с прочими законами мира Пророчества я уже не водил столь крепкой дружбы...

Теперь я был готов отправляться в путь, а желтобрюхий грибник все мешкал, шатаясь вокруг поляны в поисках затычки для своей огнеопасной пасты. Я хотел было окликнуть его, но тут мое внимание привлекла маленькая деталь, напрочь упущенная из вида при установлении контакта с чужим мутазверем.

Казалось бы, ничем не примечательная деталь – метелка сушеного волчьего ягодника, подвешенная на ветровом щитке резвобега. Однако при виде этого букетика, который мог бы показаться кому-нибудь другому обычным украшением, меня потрянуло так, что я чуть не вылетел из седла.

– Гробур!!! – заорал я, отринув всякую скрытность. – К Шинтаю грибы, заткнешь глотку кулаком! Прыгай в седло, змеиный сын, и проваливаем отсюда! Бегом ко мне, кому говорят!!!

Обеспокоенный моими воплями Гробур выскочил на поляну и начал озираться. Я заметил, что в руках у него уже не один, а несколько грибов – очевидно, ящер отнесся к моему наказу со всей ответственностью и решил насобирать как можно больше запасных «кляпов». Ублюдок решил было поинтересоваться, из-за чего шум, но не успел он открыть пасть, как откуда-то из леса донесся лютый и до омерзения душераздирающий вой. И тут же ему в ответ прозвучало еще несколько.

Не было сомнений в том, что это перекликались хозяева резвобегов. Кто они, стало понятно по обнаруженному мной талисману, которым по традиции украшали своих транспортных животных погонщики-келебра. Волчий ягодник – излюбленное растение оборотней-самцов, в то время как их самкам, оборачивающимся большими свирепыми кошками, талисманами всегда служат метелки валерианы. Дыша ароматами своих сушеных оберегов, погонщики этой дикой расы успокаивают себе нервы, что облегчает их общение с мутазверями, не больно-то охотно идущими на контакт с кровожадными хищниками.

Имейся у меня на теле шерсть, вся она сейчас встала бы дыбом от пронизывающего страха, каким наполнили ночь близкие завывания келебра. Ящеры в возбужденном состоянии обычно начинали плевать огнем. Но, памятуя мои инструкции, Гробур сдержал эмоции и не стал пугать мутазверя – единственную нашу надежду на спасение от надвигающейся угрозы. Поспешно сунув в пасть самый крупный гриб, компаньон швырнул остальные под ноги, после чего подскочил к резвобегу, грузно плюхнулся в пассажирское седло и промычал сквозь кляп что-то невнятное, но очень выразительное.

Можно было и без подсказок догадаться, что означает это мычание. Бросив через плечо: «Держись крепче!» – я припал к холке мутазверя и буквально вонзил ему в мозг нейрокоманду на старт...

Когти резвобега взрыли дерн, взметнувшийся позади нас комками перемешанной с травой грязи, и животное рвануло вперед, беспрекословно исполнив приказ погонщика. Больше всего я боялся, что мои огрубевшие за год каторжных работ ладони утратили чувствительность и мне придется по несколько раз дублировать свои команды. Поэтому отраднo было узнать, что руки Торки Бикса остались прежними и все еще чутко реагировали на любой сигнал, поступающий от нейропульта.

Три секунды, и резвобег уже достиг края поляны. Мне доводилось прежде гонять по бездорожью на мута-зверях-вездеходах, так что кое-какой опыт в этом плане у меня имелся. Однако, когда до леса оставалось всего ничего, из-за деревьев прямо нам навстречу выскочило крупное и стремительное существо. Избежав удара бампером, оно перепрыгнуло через

забрало, закрывающее резвобегу глаза, и со всей дури припечаталось мордой к ветровому стеклу.

Оборотень! Огромный, матерый оборотень, разъяренный и лучами кометы, и нашей коварной выходкой! Для него прикончить безоружного человека столь же легко, как мне – растоптать лесной гриб. В нескольких сантиметрах от моего лица, по ту сторону стекла клацнули желтые клыки, самый мелкий из которых был размером с мой указательный палец. Когтистые лапы келебра уцепились за края лобовых обтекателей, что позволило ему удержаться на движущемся резвобеге и не слететь на землю. Горящие глаза оборотня впились в меня с испепеляющей яростью, а из глотки двуногого хищника вырвался уже не вой, а дикий рев. Внешняя плоскость стекла тут же покрылась мутной испариной и каплями густой, перемешанной с кровью слюны.

Пытаясь скинуть рассвирепевшего владельца украденного транспорта наземь, я взялся бросать мутазверя из стороны в сторону, но келебра крепко ухватился за обтекатели и не желал падать под ноги животному. Когти задних лап оборотня скребли по забралу, но не могли дотянуться до глаз резвобега. Однако монстр все равно заслонял ему обзор, равно как и мне, вынужденному пялиться расширенными от ужаса глазами прямо в морду уродливой твари.

Ослепленный злобой келебра предпринял очередную попытку откусить мне голову, ткнувшись оскаленной пастью в ветровое стекло. Оно моментально покрылось паутиной трещин, но стойко выдержало и второй удар. А вот третья атака оборотня непременно должна была увенчаться успехом. И если в данный момент он не мог достать погонщика ни лапами, ни клыками, то, разбив разделяющий нас барьер, с легкостью растерзает меня чем угодно.

Резвобег не успел набрать скорость и еще мог маневрировать промеж деревьев без моей помощи. Вот когда транспортное животное достигнет своего скоростного предела, тогда ему уже будет жизненно необходима поддержка погонщика, чьи острый взор и отменная реакция многократно усиливали аналогичные качества мутазверя. Пока же мы с резвобегом не вошли в ментальный резонанс, и в нашей незавидной ситуации это было скорее плюсом: разгонись мы до умопомрачения при перекрытом обзоре – и уж точно врезались бы в дерево.

Келебра откинулся назад, замахиваясь для последнего, фатального удара. Я всеми силами старался смотреть не на него, а строго по курсу, что давалось мне ценой невероятных усилий. Продолжая гнать резвобега по лесу крутыми зигзагами, я в отчаянии понимал, что, несмотря на все старания, вот-вот лишусь головы, так и не вкусив в полной мере вновь обретенную свободу.

Разбитое стекло брызнуло осколками за мгновение до того, как в него ударили клыки оголтелого оборотня. Что было весьма странно, но разгадка этой странности последовала незамедлительно. Просвистевший у меня над затылком тяжелый кулак, усиленный разящим наповал энергокастетом, пробил ветровик и врезался аккуратно в оскаленную пасть келебра, разом лишив того половины клыков. Поперхнувшись неожиданно прилетевшей ему в глотку лапой Гробура, оборотень выпучил глаза, а в следующий миг его голова с отвратительным чавканьем разлетелась на кровавые ошметки. Силовой разряд кастета шутя раскалывал камень, а уж с плотью хищника совладал и подавно. Его обезглавленное тело обмякло и сползло по обтекателям прямо под ноги резвобегу. Раздался хруст, и втопанная в землю некогда грозная тварь превратилась в бесформенное кровавое месиво.

Гробур, из пасти коего торчала толстая грибная ножка, промычал что-то похожее на: «Подавись, собачье дерьмо», – и стряхнул с руки выдранные челюсти келебра, болтавшиеся на ней, словно костяной браслет. После чего похлопал меня по плечу и обеспокоенно указал назад. Я обернулся и понял, что рановато обрадовался. Косматые твари, праздноующие в этом лесу Злое Знамение, и не думали отпускать нас восвояси.

Видимо, компания бродяг-келебра нарочно прибыла сюда, чтобы учинить сезонное бесчинство вдали от городов, чьи жители при поддержке столичных магов живо приструнили бы распоясавшихся оборотней. Истребление лесных монгов не запрещалось законом, и к рассвету

заезжие охотники изрядно уменьшили бы здешнее поголовье этих злобных, но трусоватых созданий. Однако в планы келебра вдруг нежданно-негаданно вклинились два беглых каторжника, охотиться на которых было, бесспорно, куда интереснее. К тому же дерзкая парочка сама спровоцировала гнев хозяев праздника и автоматически записалась на роль очередных жертв.

В полусотне метров позади нас неслись, растянувшись в короткую цепь, три резвобега, на каждом из которых восседало по оборотню. Провозившись с напавшим на нас их товарищем, мы так и не набрали должную скорость, в то время как келебра разогнали своих мута-зверей практически до предела.

– Не мычи – вижу! – бросил я отчаянно жестикулирующему Гробуру. – Лучше прикуси гриб и смотри не выпади из седла. Сейчас малость потрясет!

Точно по курсу у нас торчал гигантский эвкадуб, чья верхушка маячила чуть ли не вровень с окружающими ущелье хребтами, а чтобы обхватить его ствол, потребовалось бы не менее двадцати человек. Наш резвобег двинул было в обход препятствия, но я приказал животному мчаться напрямик на дерево. Почувствовав, как мута-зверя охватывает волнение, я оперативно блокировал ему тот участок мозга, что отвечал за принятие самостоятельных решений. А потом полностью взял управление резвобегом на себя, оставив в его распоряжении лишь примитивные моторные функции.

Финт, который я намеревался проделать, был из разряда тех, что Молниеносный Бикс практиковал в молодости, выступая на арене мутазверинового родео. Сейчас у меня не было нужды заставлять резвобега исполнять трюк на максимальном уровне сложности. Да и мой нынешний подопечный вряд ли провернул бы такое, не получив травму, – прежде чем выйти на арену, мутазвери-трюкачи подвергаются долгой дрессировке и укрепляющей биоинженерии. Я тоже не занимался подобной эквилибристикой уже добрый десяток лет и не был уверен, получится ли у меня после столь длительного перерыва не ударить в грязь лицом. Но иного способа оторваться от настигающей нас погони я в данный момент не видел.

Не было времени оглядываться и проверять, надежно ли ящер закрепился в седле, поэтому, если желтобрюхий выпадет на ходу, пусть пеняет на себя. Я же полностью сосредоточился на выполнении маневра, войдя в настолько тесный контакт с сознанием резвобега, что фактически утратил собственное «я» и переродился в неистового мутазверя, готового совершить самый отчаянный прыжок в своей жизни.

Не добегая до эвкадуба десятков метров, ведомый мною резвобег совершил мощный подскок, долетел до дерева, но не врезался в него, а оттолкнулся от ствола всеми четырьмя ногами и почти с той же скоростью полетел обратно. На родео мои подопечные делали при этом сальто в воздухе вместе с погонщиком (словами не описать, какие я в тот момент переживал ощущения!), но для обычного резвобега совершить облегченный вариант аренного трюка тоже могло считаться выдающимся достижением.

Не успели преследователи и глазом моргнуть, а мы уже находились у них за спиной. Наш резвобег удачно приземлился на мягкую траву, в то время как трое его собратьев, повинувшись своим погонщикам, на полном ходу обогнули толстый ствол эвкадуба. Чтобы среагировать на перемену обстановки, придержать животных и поменять курс, келебра требовалось несколько секунд. Тех самых секунд, в течение которых мое преимущество над ошеломленными врагами станет абсолютно неоспоримым.

Оборотень, что двигался в шеренге преследователей крайним справа, только-только замедлил ход резвобега и пошел на разворот, как в этот момент на него из-за дерева налетели мы. Передние лапы нашего мутазверя тараном ударили в бок вражеского животного, а бампер – прочный, закаленный в магическом горниле стальной щит – рубанул келебра по шее и начисто отсек ему голову. Резвобег противника потерял равновесие и рухнул на траву вместе с мертвым погонщиком, голова которого, словно мяч, откатилась далеко в сторону.

Остальные оборотни уже мчались к нам, правда, сейчас скорость преследователей была заметно ниже нашей. Устраивать верховой бой с превосходящим по силе противником я не дерзнул и потому, не мудрствуя лукаво, рванул прежним курсом, сквозь ночной лес, в неизвестность.

Теперь мы с врагами находились приблизительно в равных условиях. Конечно, каждый из оборотней весил меньше, чем мы с Гробуром, вместе взятые, и их резвобеги двигались заметно легче. Зато, как я успел определить наметанным глазом, погонщики из этих келебра были так себе. По ровной прямой они нас, бесспорно, настигли бы, но в изобилующем кочками и буераками лесу нагнать Торки Бикса надо еще постараться. К тому же враги узнали, что их жертва в любой момент может выкинуть непредсказуемый и убийственный фортель. Лично я бы на месте преследователей трижды подумал, а стоит ли продолжать эту сомнительную погоню.

Загвоздка состояла в том, что келебра и в обычное время не больно-то склонны к раздумьям, а в ночь Злого Знамени уповать на здравомыслие оборотней и вовсе глупо. Они уверенно сели нам на хвост и, периодически то отставая, то вновь сокращая дистанцию, двигалась одним курсом с нами. В принципе лично меня такое положение дел устраивало – Шинтай с ними, одержимыми тварями; не могут дотянуться до нас – и ладно. Но, с другой стороны, я совершенно не был знаком со здешней местностью и мог ненароком загнать резвобега в какую-нибудь топь или западню. И у Гробура не спросишь, куда ехать, – слишком рискованно заставляя огнеплюю вынимать затычку из пасти. Впрочем, двигайся мы не туда, желтобрюхий уже извел бы меня своим предупредительным мычанием.

Ехать предстояло недолго – это очевидно. Изначально ящер планировал добраться до нужной точки пешим ходом, а значит, вольтер, в котором меня ожидает лишенный ограничителя турбошмель, находится где-то совсем неподалеку. Иначе приятели Гробура непременно дождались бы нас и сопроводили к месту старта. Однако будет крайне невежливо, если мы притащим за собой в секретное убежище брайхорнцев двух оборотней. Хотя я здесь человек подневольный и меня вовсе не обязаны волновать вопросы безопасности. Кроме, разве что, личной. На свободе пропащая жизнь каторжника Бикса вновь обрела смысл, и мне сразу захотелось отдавать ее задаром.

Мы петляли зигзагами промеж деревьев, продирались сквозь кусты, сигналы через овраги, а ущелье все не кончалось. Сосредоточенный на управлении резвобегом, я невольно потерял счет времени. Мне чудилось, что с момента угона нами мутазверя прошло несколько часов, хотя, будь это правдой, над Атрейей давно взошло бы солнце. Растущие повсюду могучие эвкэдубы заслоняли обзор, что тоже не способствовало повышению настроения. Наоборот, даже несмотря на то что нам удавалось держать преследователей на расстоянии, во мне все сильнее и сильнее крепились нехорошие предчувствия. Интуиция подсказывала: что-то здесь не так. Но остановиться, дабы спокойно, без спешки обсудить дальнейшую стратегию, было нельзя. Келебра дышали нам в спины, и у нас оставался только один выход: мчаться вперед и надеяться на удачу...

Внезапно эвкэдубовый лес закончился, и мы выскочили на просторную равнину, простирающуюся вширь от одного склона ущелья до другого, а вдаль – насколько позволяли рассмотреть предрассветные сумерки. Оборотни сразу же воспрянули духом и огласили округу победным воем. Да, у них имелся повод для ликования: впереди лежащий путь был ровным и вдобавок шел под уклон. Настигнуть нас на такой местности было вопросом нескольких минут, и никакие судорожные метания из стороны в сторону нам больше не помогут.

Так и случилось. Я начал часто оглядываться и каждый раз констатировал, что дистанция между нами и келебра неизбежно сокращается. Гробур обеспокоенно заерзал и зарычал, отчего гриб-затычка у него в пасти начал дымиться и скворчать, как на сковороде. Ящер определенно настраивался на битву, а мне оставалось уповать лишь на то, что ему хватит сил одо-

лечь в одиночку двух оборотней. Тонкокожий в открытом столкновении свирепых монстров мог лишь путаться под ногами, и то недолго – до первого пропущенного удара.

Отчаяние все больше и больше охватывало меня, и я приготовился развернуть мутазверя и броситься на келебра в контратаку. Но в это утро мне не довелось пасть геройской смертью. Оборотни уже приблизились к нам настолько, что, имейся у них при себе камни, твари забили бы нас ими, практически не целясь. Но аккурат в эту минуту над равниной появился странный тяжелый туман. Он поднялся из травы плотной пеленой, подобно быстро прибывающей воде, и прекратил подъем на уровне колен резвобега – то есть примерно на полтора метров от земли. С момента появления тумана мы проехали всего ничего, но за это время мир преобразился до неузнаваемости. Теперь мы передвигались будто по облакам, поскольку трава была полностью сокрыта под непрозрачным белесым покровом.

А затем наш резвобег стал стремительно терять скорость, и пока я спешно искал этому причину, животное, с трудом передвигая ноги, сделало последние шаги и окончательно застыло на месте. Я послал ему несколько экстренных команд, но все без толку. Мутазверь был тут совершенно ни при чем. Всею виной являлся туман, в котором мой четвероногий подопечный завяз капитально, как в трясине.

Впрочем, преследователи испытывали те же затруднения. Угодив впросак, когда до вожаковой цели оставалось всего ничего, келебра раздраженно взревели, после чего решили таки довершить расправу и соскочили с резвобегов. Я всегда считал оборотней безмозглыми созданиями, слепленными лишь из клыков и мускулов, и вот получил этому очередное доказательство. Твари так вожаковали вцепиться нам в глотки, что и на миг не задумались о коварстве загадочного тумана, воздействие которого явно распространялось не только на мутазверей.

Гробур в ярости выплюнул прожаренный им до черноты грибной кляп (если до этого желтобрюхий обожал лакомиться грибочками, теперь он их точно до смерти возненавидит) и хотел ринуться на врагов, но, хвала Богам, я успел удержать компаньона в седле. Ради этого мне даже пришлось бросить нейропулт – хотя от него и так не было теперь никакого проку – и ухватить рвущегося в бой ящера за плечи.

– Спокойно! – осадил я его. Удивительно, но грозный брайхорнец повиновался и даже не отвесил тонкокожему подзатыльник. – Могу поспорить, оборотням до нас не добраться! Смотри внимательно, вот сейчас!..

И точно, очутившись на земле, оба келебра моментально увязли по пояс в тумане. И как бы зверюги ни бесновались, ни выли и ни брызгали слюной, передвигаться в коварной дымке им было невмоготу. Я недоумевал, как после столь суетливой и изнурительной ночи в оборотнях еще оставалась энергия на выплескивание гнева. Или это комета Каллахана продолжала подпитывать их своим магическим светом? Но, как бы то ни было, наделить келебра силами вырваться из туманной трясины хозяйке Злого Знамени не удавалось.

Неизвестно, насовсем или нет, но эти враги больше не являлись для нас угрозой. Однако и мы очутились в довольно затруднительном положении. Вдобавок, резвобег почувствовал у себя над головой неприкрытое огненное дыхание ящера и начал дергаться, норовя выбросить пугающего его пассажира из седла. Гробур едва успел снова пристегнуться ремнями, которые страховали нас лишь от падения. От жутко нервнующей болтанки не спасало ничто, сколько я ни пытался посредством нейропульта успокоить взбудораженного мутазверя.

– Ну спасибо тебе, желтобрюхий! – раздосадованно вздохнул я, опустив в бессилии руки. – Теперь из-за твоего геройства придется заново проходить курс молодого погонщика! Знал бы ты, убудок, сколько мозолей было у меня на заднице, когда нас в школе Эрена заставляли каждый день прыгать на таком вот тренажере!

– Не меня благодари, а вон их! – огрызнулся Гробур и кивнул в сторону едва проклевывающегося на горизонте восхода.

Я повернулся и тоже уставился на восток. Оттуда, прямо по пелене тумана, а не по укутанной им земле, к нам направлялись две высокие, облаченные в мантии фигуры. Даже издали можно было различить, что одна из них – женская, а другая – мужская. Фигуры просто плыли по-над туманом, не перебирая ногами и не размахивая руками, как это делали бы мы с Гробуром, научи нас кто-нибудь ходить, не проваливаясь, по таким зыбким поверхностям.

Мы пока не ведали, причастна ли эта невесомая парочка к нашему проблематичному положению, но появилась она как никогда вовремя. Едва загадочные мужчина и женщина приблизились, разбушевавшийся резво бег сразу сделался кротким, будто напрочь перестал замечать сидящего у него на спине огнедышащего ящера.

– Сиды, – пробулькал Гробур равнодушным тоном. Было неясно, рад желтобрюхий появлению этих существ или нет. Я тоже испытывал сейчас весьма противоречивые чувства. Бесспорно, маги околачивались здесь, помогая местным стражам правопорядка отлавливать беснующихся оборотней. Поэтому и угодившим в магические силки беглым каторжникам встреча с сидами не сулила ничего хорошего. Но если бы не они, еще неизвестно, чем завершилась бы наша стычка с келебра. Хотя как ни крути, а я предпочел бы очокуриться на воле, чем вернуться на каторгу и растянуть свою смерть на несколько лет.

Согласно неписаной, но повсеместно чтимой традиции, начинать разговор с сидом первым считалось дурным тоном. Нам с желтобрюхим было сейчас не до соблюдения этикета, однако мы все-таки прикусили языки и предпочли наблюдать за действиями сидов с настороженным молчанием. Логика подсказывала мне, что вряд ли Университет Истадала послал бы в эту глушь действительно могучих магов, способных читать, как книгу, сокрытые в глубине чужих душ помыслы и с легкостью обрушивать небо на головы неугодных. Скорее всего мы наткнулись на обычных заклинателей мелкого пошиба, возможно, даже не мастеров, а простых учеников, посланных на полевую практику. Выяснить это по возрасту идущих к нам сидов было нельзя – единственное, что мы могли с точностью у них определить, это пол. А рост и внешность всех взрослых сидов прекращали изменяться по достижении ими совершеннолетия; для представителей этой расы оно наступало в сорок лет. Так что перед нами могли с одинаковой вероятностью предстать и разменявшая четвертый десяток молодежь, и трехтысячелетние старики, помнившие еще войну Великих Домов.

Несмотря на то что люди и сиды испокон веков жили в дружбе, а ныне были еще и объединены политическими узами Велланского Союза, я никогда не питал симпатии к расе магов. И все из-за их отвратительных глаз. Торки Биксу доводилось на своем веку смотреть в глаза многим существам нашего семилунного мира. Обычные человеческие глаза... Сверкающие радужным блеском, постоянно меняющие цвет, мудрые глаза коротышек цвергов... Лютые, горящие негасимым огнем глаза оборотней-келебра... Фасеточные и полусферические, будто у насекомых, но тем не менее – вот ведь парадокс! – тоже способные на выражение чувств глаза четвероруких арраунов... Холодные, с вертикальными зрачками и пронзительным взором, желтые глаза сородичей ублюдка-Гробура... Внимательные и настороженные глазки птицеподобных тэнки... Какие бы чувства ни питал я к представителям вышеперечисленных рас, я глядел всем им в глаза и видел перед собой нормальных живых существ. Считать таковыми сидов у меня не получалось при всем желании.

Их глаза были... никакими. Ни век, ни ресниц, ни зрачков – только мутные серые бельма – и больше ничего. Из-за этих мертвых взглядов мне и не удавалось относиться к сидам как к живым существам. Я видел в них лишь сгустки непонятной материи, слепленной по человеческому образу и подобию и наделенной умением разговаривать. Отменные психологи, сиды условно чувствовали мою к ним инстинктивную антипатию. Но мне на это, сказать по правде, было наплевать (впрочем, как и сидам – на мое мнение о них), поскольку в прежней жизни наши интересы никогда не пересекались.

Вместо волос на головах у сидов росли, похожие на потеки застывшей черной смолы, не то окаменелые водоросли, не то вычурные хитиновые наросты, не то еще какая хреновенькая неизвестной Торки Биксу природы. Этот же материал также растекался по рукам и ногам сидов выпуклыми, иссиня-черными узорами. Они сильно контрастировали с болезненно-бледной кожей магов, отнюдь не добавляя им привлекательности. Короче говоря, не дай вам Боги проснуться утром с глубокого похмелья и обнаружить у себя под боком сидскую красавицу. Не подумайте о Торки Биксе дурного – он всегда был ярким противником межрасовых половых связей, – но по мне – уж лучше пусть вместо сидки в вашей постели окажется кошечка-келебра. Тоже, разумеется, останетесь зайкой, но зато хоть не на всю жизнь.

– Ушли четыре келебра, вернулись двое, – констатировал маг, обращаясь к подруге. Надо признать, что голоса сидов – бархатистые и певучие – звучали для человеческого уха вполне приятно. – Откуда взялись человек и ящер? Другого входа в ущелье до самого озера нет.

– Ничего странного, – заметила сидка. – Кроме следов оборотней, иных следов в ущелье не было – я проверяла. Значит, человек и ящер попали в него с противоположной стороны. Наверное, приплыли по воде. Для тех, кто пересек горы, эти двое выглядят чересчур бодрыми.

У меня отлегло от сердца: все ясно – зеленые первокадники, не прочувшившиеся в Университете и начальных десяти курсов! Младая поросль, еще только штурмующая вершины магических знаний. Мастера-наставники этих практикантов мигом просканировали бы наши мозги, выяснили бы все, что нужно, и не задавали бы друг другу таких глупых вопросов. Доступ к моему сознанию этим салагам закрыт, а стало быть, у нас есть шанс выдать себя за несчастных жертв Злого Знамени. Только бы Гробур помалкивал, а то ляпнет невзначай какое-нибудь лагерное словечко, уголовник желтобрюхий, и разом похерит весь мой блеф.

Соблюдая традицию, я смиренно дождался, пока сиды полюбопытствуют, кто мы такие, и, опередив собравшегося было ответить ящера, затараторил:

– О, Первейшие из Семи, вы даже не представляете, как мы с напарником счастливы вас видеть! Еще бы чуть-чуть, и эти мерзкие оборотни точно бы нами позавтракали!.. – Как кстати, что меня еще колотил нервный мандраж после погони, поэтому моя проникновенная речь звучала более чем натурально. – Я – погонщик Сердик, а моего друга зовут Бибар. Мы перевозили на грузовозе товар в Веллану и решили немного срезать путь через горы, по диким землям. Это все Бибар придумал, не я. Он – всего лишь тупой охранник, а мнит себя крутым навигатором и постоянно лезет ко мне с советами! А если я начинаю спорить, так Бибар сразу руки распускает! О Боги, чтобы я еще раз послушался этого безмозглого болвана!..

После этих слов мне сразу начало припекать спину – ящери такой поворот сценария явно не понравился, и тварь гневно засопела, едва сдерживаясь, чтобы не плюнуть в меня огнем.

– ...В общем, сорвались с прибрежных скал в озеро, мутазверя и груз утопили; как сами не утонули, ума не приложу!.. – продолжал я импровизировать, размахивая для убедительности руками. – Еле-еле выбрались на берег, идем, глядь, а на поляне – четыре резвобега. Вот так удача! Покричали – никто не отзывается. Странно, думаем...

Далее мой рассказ уже не противоречил истине. Но я предпочел не признаваться сидам в том, что по ходу бегства мы прикончили двух келебра, сказав, что в погоню за нами бросились лишь те твари, которые крутились неподалеку. Умысел мой был прост. Маги-патрульные должны оставаться на своем посту, а не сопровождать нас до ближайшего полицейского участка, куда, по логике, следовало доставить угодивших в передрыгу погонщиков. Зная, что по лесу рыщет другая парочка келебра, сиды будут нести свою вахту еще как минимум несколько часов, пока злосчастная комета Каллахана окончательно не сгинет с небосклона. В противном случае мертвоокие заклинатели могут посчитать свой долг исполненным и навязаться нам в сопровождающие. Что, естественно, явилось бы для нас с Гробуром серьезной помехой.

Дух великого Эрена, который целый год отказывал в покровительстве несчастному Торки Биксу, наконец-то смилостивился и вернул его в число своих любимчиков. Я лишний раз

убедился в этом, когда моя, казалось бы, за километр отдающая неискренностью речь возымела тот эффект, на какой и была рассчитана. Услыхав о продолжающих лютовать в лесу оборотнях, сиды недолго посовещались, после чего женщина обвела ущелье рукой, и туман-ловушка исчез, растаяв, словно шапка пены в кружке с пивом. Не очистился только малый участок долины, на котором увязли по пояс оборотни. Для них мужчина-сид взялся творить при помощи магии прямо в воздухе не то энергетические пути, не то клеть.

– Езжайте до конца ущелья, здесь неподалеку, – порекомендовал нам бледнокожий маг, не отрываясь от работы. – Там начинаются обитаемые земли. Увидите сигнальный аэробуй – это маяк базы местного мобильного полицейского отряда, – и двигайтесь в том направлении. В связи со Злым Знаменем полиция всего материка находится в усиленном режиме, поэтому комендант базы, полковник Лестер, сегодня дежурит самолично. Встретитесь с ним, объясните, что стряслось, и укажите на карте место, где утопили груз. Возможно, Лестер сумеет вам чем-нибудь помочь. Благодарим за информацию о келебра и за то, что вы пусть невольно, но помогли нам схватить этих бродяг. Желаем удачи, и да хранят вас Боги!

– И вам огромное спасибо, Первейшие из Семи! – отвесил я сидам встречный поклон. – Прямо не знаем, что бы мы с Бибаром без вас делали. Доберемся до Истадала, непременно заглянем в Университет и попросим Верховного Мастера объявить вам официальную благодарность. Как ваши имена, о благородные маги?

– Не нужно. Это лишнее, – отмахнулись сиды, олицетворяющие собой, как и все воспитанники Университета, воплощение скромности и бескорыстия.

– Ну тогда прощайте, – помахал я им рукой.

– Всего хорошего, – лаконично поддержал меня Бибар-Гробур, после чего соскочил с резвобега, чтобы сорвать и сунуть себе в пасть какую-то поганку, вернулся в седло и огрел меня по спине, приказывая трогаться в путь. От этого внезапного недружелюбного толчка я клацнул зубами, но промолчал – сам только что рассказывал сидам о постоянно распускающем руки напарнике. А этот гад, похоже, только и ждал случая, чтобы подыграть моей легенде. Ну и Шинтай с ним! Ради пьянящего воздуха свободы Торки Бикс готов вынести и не такое...

4

Как маги и сказали, вскоре ущелье привело нас в широкую зеленую долину, расстилающуюся у отрогов гор. Со слов сидов, здесь и начинались обитаемые земли Истинной Империи, государства моих соотечественников – людей. Это означало, что до самой пустыни Хайран – дикой безжизненной территории, простирающейся на огромное расстояние, – мы могли рассчитывать на прямые воздушные магистрали, где я без проблем разгону до предела даже такого свирепого мутазверя, как турбошмель без ограничителя. Плохие новости состояли в том, что над Империей вечно кружило полным-полно полиции. А человеческая полиция всегда считалась самой организованной и технически оснащенной из всех силовых структур в мире.

Сигнальный аэробуй – наполненный летучим газом маленький дирижабль с имперским гербом на боку – маячил над эвадубовой рощей неподалеку от выхода из ущелья. Из-за стены многовековых деревьев мы не имели возможности видеть саму базу мобильного отряда, но обозначающий ее местонахождение маяк не оставлял сомнений в том, что она там есть.

– Куда теперь? – полюбопытствовал я у Гробура, упорно хранящего в секрете координаты промежуточной цели нашего путешествия.

Брайхорнец промычал сквозь кляп «Стой» и, когда я повиновался, жестом велел мне спешиться. Без какой-либо задней мысли я выбрался из седла и отошел подальше от резвобега, дабы соскочивший вслед за мной Гробур мог внятно изъясняться без опасения опять напугать мутазверя своим дыханием.

По невыразительным мордам ящеров нельзя догадаться, что взбредет им на ум в следующую минуту. Однако, судя по резким движениям и решительной походке Гробура, я живо смекнул, что беседа ожидается не из приятных. Причина тому могла быть лишь одна. Но я почему-то решил, что брайхорнец уже забыл о той дерзости, что позволил я в его адрес при разговоре с сидами.

– Ты назвал Гробура безмозглым болваном перед Первейшими из Семи! – плюнув в меня обугленной поганкой, зарокотал приближающийся компаньон. – Я слышан, что у никчемных человечков очень длинный язык, поэтому не обращаю внимания на многие твои оскорбления! Но только на те, которые ты допускаешь в разговоре со мной с глазу на глаз! Но никто – запомни: НИКТО! – не смеет оскорблять меня, Гробура Двадцатого, герцога Баргдорских древоплантаций и острова Рамбар, в присутствии посторонних, а тем более сидов! За подобное оскорбление я убью на месте любого наглеца, кем бы он ни был!

Звучало убедительно, и я невольно попятился, не сомневаясь, что хвостатый герцог сейчас откусит мне голову. Но он всего лишь замахнулся и двинул мне по лбу разряженным энергокастетом так, что из глаз у меня брызнули искры, а в ушах зазвенело, словно Торки Бикса схватили за волосы и начали бить головой о большой колокол. Я не устоял на ногах и закувыркался по траве, наблюдая, как небо и земля пустились передо мной в безостановочную круговерть.

Если мерить по пятибалльной шкале, то удар Гробура с трудом тянул на троечку. Насколько бы ни был оскорблен герцог, он явно не собирался меня убивать, по крайней мере, до тех пор, пока нуждался в услугах Молниеносного. На каторге я чуть ли не ежедневно ловил такие зуботычины от келебра и охранников, после чего как ни в чем не бывало продолжал работу. Сейчас Торки Бикс тоже мог без проблем подняться на ноги и попросить у компаньона прощения, раз уж того и впрямь обидели мои слова. Но, во-первых, извиняться перед гнусным ящером мне не хотелось еще больше, чем ему – терпеть мое общество. А во-вторых, не имея возможности воздать желтобрюхому той же монетой, я решил сыграть с ним злую шутку. Таковую, что окажись она не розыгрышем, а правдой, то по прибытии в Брайхорн гильдия Карадора содрала бы с Гробура чешую, а потом спустила и шкуру.

Прекратив кувыряться, я кое-как сфокусировал плывущий взгляд на ящере и, поняв, что тот больше не собирается меня бить, начал энергично симулировать предсмертные конвульсии: закатил глаза, захрипел и забился в судорогах. А напоследок выгнулся, словно получил палкой по хребту, и обмяк, полностью прекратив дышать и шевелиться.

Конечно, в искусстве притворяться мертвым мне с ящерами не сравниться. Брайхорнцы могли при желании мгновенно впадать в анабиоз и в любой момент из него выходить. Этим они снискали себе славу непревзойденных притворщиков, порой весьма правдоподобно инсценирующих собственную смерть, чтобы потом выждать момент и с кинжалом в руке «воскреснуть» за спиной у легковверного противника. Однако я тоже был знаком с парочкой подобных фокусов. Обделенному природой в силе и бездарному в магии Торки Биксу частенько приходилось выживать посредством уловок, перенятых у хитрецов, с которыми ему доводилось по жизни сталкиваться.

Как и прогнозировалось, Гробур отреагировал на мой спектакль достаточно бурно: подскочил и начал метаться вокруг моего бездыханного тела. Я закатил глаза не столько для натуральности, сколько из-за того, чтобы ящер не сумел проверить реакцию моих зрачков, и потому не мог видеть, чем конкретно он сейчас занимается. Главное, не поддаться на провокацию наподобие щипков и резких криков над ухом. А продержаться три-четыре минуты без воздуха я сумею – проверено.

Единственная деталь, которая могла меня выдать, – это пульс. Но, насколько мне было известно, редко кто из представителей «толстокожих» рас имел понятие о том, что биение человеческого сердца можно распознать столь элементарным способом. Вот я, например, только недавно выяснил, что, оказывается, ящеры определяют приход своей естественной смерти, когда перестают сбрасывать кожу. И потому способный на это тяжело больной ящер еще отнюдь не безнадежен. И наоборот, если вдруг легкая хворь во время сезонной линьки ящера сопровождается отсутствием таковой, бедолагу уже не спасут ни дорожные лекарства, ни помощь лучших магов-целителей. Странное дело: живем бок о бок уже много тысяч лет, а так мало знаем друг о друге. И все это время не прекращаем спорить, какая из Семи рас – самая могучая на планете...

Перепробовав все известные ему методы реанимации тонкокожих (кроме, разумеется, искусственного дыхания изо рта в рот – после такой интенсивной терапии меня точно ничто бы не воскресило), ящер издал громкий протяжный вой. В нем было столько тоски и отчаяния, что мне стало даже немного жаль бедного компаньона. Само собой, Гробур горевал вовсе не по убиенному им невзначай Торки Биксу, а оплакивал свою грядущую незавидную участь. Герцог «чего-то там и острова в придачу» кусал себе локти, потому что по глупости лишился последнего шанса добраться в трехдневный срок до столицы Блистающих земель и провалил порученное ему Карадором задание. За столь малое время ящерицу при всем желании не найти в Истинной Империи другого высококлассного погонщика, который согласился бы лететь на турбошмеле без ограничителя, наплевав на риск и полицию. А она неизбежно начнет преследовать потенциального убийцу и самоубийцу в одном лице, тут и гадать нечего.

О, горе, горе Гробуру, чьими костями в скором времени будут лакомиться облезлые падальщики-болотники!..

– У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У!!!

Обидно и горько, что ни говори. Но для Торки Бикса в данный момент эти завывания звучали чуть ли не божественной музыкой. Гробур получил хороший урок на будущее, причем от тонкокожего, втайне переживающего сейчас сладостное чувство отмщения.

– Проклятый Карадор! – рявкнул желтобрюхий, наконец-то сообразив, что своими завываниями привлечет к себе или полицейских, или сидов, или того хуже – еще не перебесившихся келебра. – И дался тебе, старой жабе, этот «Ледяной взрыв»! Ну почему ты не подох полгода назад, пока в твою башку не втемяшилась эта безумная идея?.. Что ж, завидую тебе,

Бикс: ты на диво легко отделался. Не обессудь, что не могу предать тебя земле, как принято у тонкокожих. Впрочем, насколько Гробур в курсе, сожжение тоже не противоречит вашим похоронным традициям.

И с шумом набрал в грудь воздуха, собираясь за один выдох обратить тело несчастного человечки в горстку пепла.

– Но-но, поосторожней! – Я мигом прекратил ломать комедию, поскольку собственная кремация в мои планы пока не входила. – Что за манеры: чихать огнем на лучших друзей!

– Ты!!! – От неожиданности Гробур выпучил глаза, поперхнулся и закашлялся – благо не на меня, а в сторону! – спалив при этом изрядный участок травы. – Ах ты!.. Мерзкая тонкожо... тьфу! – тонкокожая тварь! Да я тебя сейчас!..

– *Что* ты опять решил мне сделать? Яичницу поджарить? – Уже ничуть не опасаясь кулаков негодующего брайхорнца, я неторопливо поднялся с земли, потянулся и зевнул. – Ну давай, приступай – и впрямь неплохо бы позавтракать. Спасибо, герцог, что позволил своему погонщику малость вздремнуть. Только зачем все это время ты орал мне в ухо и лупил по щекам? Я что, слишком громко храпел?.. Кстати, о каком таком ледяном взрыве ты раструбил на всю округу? Ваша гильдия намерена в Рубине что-то взорвать?

Все еще пыхтя огнем, желтобрюхий примолк и впери в меня ледяной взор. Но по реакции компаньона было заметно, что он впал в замешательство. Гробур смекнул, что явно сболтнул лишнего, но кто бы мог подумать, что у покойника Бикса окажутся такие чуткие уши.

– Тебе явно послышалось... спросонок, – буркнул брайхорнец. Мой неожиданный вопрос вмиг сбил с него спесь и заменил ведро холодной воды, какое обычно выливают в дешевых трактирах на головы распоясавшимся дебоширам. – Ты ведь понял, что я был слегка не в себе и нес всякую чушь. Понял или нет?!

«Слегка не в себе» – это он, конечно, очень мягко выразился. Еще никогда я не наблюдал хладнокровных ящеров в таком беспросветном отчаянии, ну да ладно...

– Понял, как не понять? – пошел я на попятную. Действительно, нет смысла допытывать компаньона расспросами на эту тему. Если не станет больше распускать кулаки, все равно будет молчать, как в анабиозе.

– Отлично. Поэтому впредь больше не приставай ко мне со своими дурацкими догадками, – подвел Гробур черту под некрасивым инцидентом и сразу перешел к повестке текущего дня: – Видишь восход солнца? Так вот, возьми его за точку отсчета и уясни: если через три дня мы не будем наблюдать на его фоне бриллиантовые шпильки Рубина, то четвертый рассвет для тебя не наступит уже никогда.

– Как поэтично, – съехидничал я. – А еще говорят, будто ящеры – самые бездарные литераторы в мире... Только прежде, чем включать мне таймер, ты, желто-брюхий, кое о чем забыл. Где мой турбошмель, Шинтай тебя побори?

– Практически рядом. А конкретно – вон там, – ответил Гробур и указал на повисший над лесом аэробуй.

– Шутить изволите, герцог? – кисло усмехнулся я. – Хочешь сказать, что ваша гильдия вырыла себе нору прямо под носом у законников?

– Вот тупица! – выругался компаньон. – Наша гильдия отродясь не строила здесь никаких убежищ. Твой турбошмель стоит сейчас в вольере на базе у мобильников! Нам надо лишь ворваться к ним, угнать мутазверя и по-быстрому смыться. А где, по-твоему, мы с тобой могли бы за столь короткий срок разжиться перехватчиком? Если бы братья угнали его для нас заранее, в Истинной Империи их с высокой вероятностью тут же схватили бы. Тебе ли не знать, какие крутые здесь законники, если даже обычная сучка-мобильник сумела шутя повязать самого Молниеносного Бикса.

Желтобрюхий ублюдок нанес мне удар ниже пояса... Но я оставил подначку Гробура без внимания, поскольку и так пребывал в ступоре от гениальных стратегических замыслов брайхорнца.

– О Боги! – только и вымолвил я, осознав, как невероятно усугубилось мое и без того плачевное положение. А ведь Гробур прав: ящеры, летающие на угнанном полицейском турбошмеле над Истинной Империей – это либо полные безумцы, либо самоубийцы, либо потенциальные каторжники. Поэтому кому еще угонять для Торки Бикса турбошмеля, как не самому Молниеносному?

– Не бойся, все должно выгореть, – постарался утешить меня компаньон. – Мобильники провели всю ночь на боевом дежурстве, вымотались не хуже оборотней и где-то через полчаса начнут разъезжаться по домам. Тут-то мы к ним и нагрянем. Ты, тонкокожий, главное, не отходи далеко от меня, а уж я тебя, пламя из носу, в седло турбошмеля посажу, будь спокоен.

Я изобразил вымученную улыбку, больше смахивающую на гримасу мученика. Успокойсь тут, пожалуй! Много беззакония натворил в жизни Торки Бикс, но совершать налеты на полицейские базы ему еще не доводилось. К тому же в компании ящера. Хотя стоило ли беглому каторжнику переживать о собственной участи, когда уже ничто на белом свете не могло ее усугубить? Так почему бы и впрямь не прокатиться последний раз в жизни с ветерком, будто в старые добрые времена? Встряхнуть этот несправедливый мир как следует и оставить о себе в мире яркую, несмываемую память. Жаль только, что отнюдь не добрую...

База мобильного полицейского отряда представляла собой типичный для законников архитектурный комплекс, выстроенный в классическом имперском стиле: подчеркнуто строгом и монументальном – без каких-либо художественных изысков, но отличающемся гипертрофированными размерами всех без исключения сооружений. Даже банальный уличный туалет на базе мобильных больше напоминал бастион, нежели отхожее место. А остальные здания, казалось, и вовсе были предназначены для отражения атак диких драконов или великанов, хотя первые давно не рисковали летать над цивилизованными землями, а вторые, по слухам, вообще поголовно вымерли. Строительный консерватизм чистой воды, но прочно вошедший в традицию, вроде бы, со времен войны Союзов. В городах подобного рода постройки смотрелись еще куда ни шло, но с тысячелетними эвкадубовыми рощами они не слишком гармонировали.

Главное здание комплекса было похоже на колоссальное навершие магического посоха – старинного оружия, прообраза всех современных кастеров и спеллганов. Стометровая шестиугольная башня в верхней своей четверти расходилась на три остrokонечных пирамидальных шпиля, между которыми – там, где на посохах древних магов обычно крепился магический камень или кристалл, – была заключена яйцеобразная конструкция. Практически всю ее поверхность испещряли большие отверстия, закрываемые раздвижными створами. В этот утренний час, когда мы подошли к базе, все отверстия были открытыми – как и положено, когда мобильный отряд нес службу в усиленном режиме.

Я неспроста заострил ваше внимание на этом дырявом «яйце», подвешенном на высоте эвкадубовых вершущек. Именно в нем и располагались вольеры, в которых мобильники содержали свой мутазвериный парк. Как несложно догадаться, весь он состоял только из крылатых транспортных животных. Таких, как легкие разведывательные паракрылы, вместительные десантные махолеты, способные подниматься в воздух лишь при поддержке магов-левитаторов, а также сигарообразные патрульные стрекоптеры и нужные нам турбошмели-перехватчики – скоростные, маневренные и вообще лучшие по всем показателям в этом элитном классе мутазверей.

Не имея перед противником ни количественного, ни огневого превосходства, мы с компаньоном могли полагаться лишь на фактор внезапности и немислимую наглость, с которой нам предстояло прорываться к вольерам. Для такой нахрапистой тактики и впрямь было не сыскать исполнителя лучше, чем двухметровый твердолобый ящер. Я тоже мог бы внести свой

посильный вклад, но любая полученная мной травма, даже легкая, могла свести на нет все наши усилия. Поэтому Гробуру приходилось уповать лишь на собственные кулаки.

Смертоубийства, разумеется, категорически исключались. Из-за мордобоя на отдаленной полицейской базе и угона одного перехватчика никто не поставит на уши полицию всей Истинной Империи. В то время как даже один мертвый законник привлечет к нашей поимке такое количество полицейских, что небо над Атрейей за час превратится в растревоженный улей и каждый посланный по наши души мобильник будет стрелять на поражение без предъявления нам ультиматума о сдаче. В этом вопросе имперская полиция не признавала компромиссов, за что теневые гильдии всего мира уважали ее, как сильнейшего и достойнейшего из своих врагов.

Рекомендации встреченных нами сидов пришлось весьма кстати. Если на Рэдисе и хватились двух беглецов – что маловероятно, поскольку до утренней переключки оставалось еще полчаса, – информация об этом достигнет ближайших полицейских баз в лучшем случае к полудню. В лицо нас опознать вот так, с ходу, тоже не могли: Молниеносный Бикс и герцог Гробур Двадцатый числились за решеткой, и их портреты давно были исключены из оперативных розыскных картотек. Правда, существовала вероятность того, что мы нарвемся на дежурного законника с отменной памятью, но тут, как гласит человеческая мудрость, келебра бояться – в Сумеречные земли не ходить. Короче говоря, прежде чем натравливать на мобильников желтобрюхого громилу, мне предстояло еще раз сыграть роль погонщика грузовоза, потерпевшего аварию на берегу озера Рэдис. Чем Шинтай не шутит, авось да посчастливится обойтись малой кровью... То есть, виноват, оговорился: конечно же, исключительно шишками и синяками.

Дежурный на посту у ворот недоверчиво взглянул на наши нарочито измызганные грязью физиономии, так же недоверчиво выслушал легенду о пострадавших погонщиках (на сей раз отредактированную, без оскорбительных выпадов в адрес напарника Бибара), но подобрел, когда я упомянул о встреченных нами сидах, и в итоге все-таки впустил нас на базу. Припарковав резвобега в стояночной клетке, я не забыл наполнить ему поилку и насыпать в кормушку энергетических гранул – единственная благодарность, которую мы могли оказать нашему четвероногому спасителю. В это время Гробур снял с него багажную сумку, где лежали заранее упрятанные от глаз законников силовые кастеты. И, перекинув ношу через плечо, приготовился идти вместе со мной в главный корпус, на встречу с полковником Лестером, как раз в этот момент сдающим ночное дежурство своему заместителю.

Как выяснилось на проходной, встретиться с Лестером нам было также тактически выгодно. Кабинет полковника располагался в основании одного из шпилей-конусов. Оттуда было намного проще попасть в «яйцо», нежели с первого этажа, где охрана сразу же поднимет тревогу, как только мы рванем без объяснений к лестнице или лифту.

Хмурый усталый охранник, предупрежденный по локальной связи о цели нашего визита, вызвал напарника и приказал ему проводить нас к командиру.

– Повезло вам, ребята, – заметил провожатый, когда мы втроем зашли в лифт, соединяющий напрямую вестибюль и кабинет Лестера. – Опоздали бы на четверть часа – и уже не застали бы полковника на службе.

– А что, его заместитель нам уже не поможет? – любопытствовал я, продолжая играть роль простачка-погонщика.

– Почему? Разумеется, поможет, – ответил мобильник, нажимая кнопку экспресс-лифта. – Только у командира два сына тоже погонщиками служат, так что, сами понимаете, он куда быстрее проникнет в ваше бедственное положение. Даже если сам не возглавит поиски, то подполковнику Милсу накажет, чтобы тот занялся ими в приоритетном порядке... Ну и влипли вы в историю, сказать по правде. Эти ваши работодатели, как их там...

– «Макс Шейн и Дэнис Фом», – напомнил я сердобольному охраннику названия нашей якобы фирмы-нанимателя.

– Ага, верно... – кивнул законник. – И влетит же вам от них! Да вдобавок, как пить дать, еще чью-нибудь недостачу припишут – ведь у вас даже никаких документов на груз при себе не осталось.

– И не говори, – тяжело вздохнул я. – Все утонуло, до последней проклятой бумажки: и права, и лицензия, и накладные вместе с Велланской торговой визой. И недели не прошло, как нам ее выписали...

– Какой-какой визой, ты сказал? – переспросил стоящий к нам спиной охранник и в недоумении даже обернулся. – Велланской? Так это... там уже больше чем полгода безвизовая торговля!..

Прости, сердобольный человек, но откуда ж мне знать такие подробности? В Рэдисе до каторжников доводили только те новости, которые напрямую касались добычи магической руды, а в этом плане за прошедший год в Велланском Союзе никаких изменений не произошло. Поэтому неудивительно, что я выбился из колеи мировых политических событий. И мой компаньон – тоже. Пусть он и оттрубил в каменоломнях гораздо дольше меня, однако был куда лучше осведомлен о жизни за пределами лагеря. Хотя, как оказалось, и брайхорнец понятия не имел об упразднении визовой торговли между людьми и сидами.

Зато Гробур обладал даром моментально чутать угрозу и пресекать ее в зародыше. Услышав замечание провожатого, я наморщил лоб, спешно подыскивая оправдание собственной оговорке, но ящер решил эту проблему за меня. Ни слова не говоря, он двинул кулаком по темечку охраннику, и тот, тоже в полном молчании, обмяк и рухнул на колени. А затем мешком вывалился в открывшиеся именно в этот момент двери лифта.

Два старших офицера, Лестер и Милс, коим уже доложили о поднимающихся к ним визитерах, ожидали нас по-деловому собранными. Первый восседал во главе массивного стола, демонстрируя, кто есть кто в этом кабинете. Заместитель полковника стоял возле выхода на балкон, с которого открывался вид на два других шпиля и яйцеобразный вольер. От него к кабинету Лестера шел тонкий энергетический луч. При виде его я догадался, что балкон является одновременно и платформой-левитатором, курсирующим между «яйцом» и этим шпилем.

Узрев выпавшее из лифта тело, законники оторопели и выпучили глаза. Но когда в кабинет ворвался брайхорнец, командиры без колебаний схватились за табельные криокастеры, намереваясь обратить интервента в глыбу льда. Что, надо заметить, выглядело бы куда антигуманнее, нежели методы Гробура. Он не стал устраивать в кабинете битву стихий – то есть отвечать на криоимпульсы огненной вспышкой, – а одновременно подхватил обоих офицеров за грудки и шарахнул их о стену так, что те вмиг лишились чувств, выронив из рук еще не взведенные кастеры. Битва продлилась от силы три секунды, и, когда в кабинете появился я, компаньон уже подбирал с пола трофейное оружие, дабы выдрать из него аккумуляторы.

Разумное решение, мысленно согласился я. Когда поднимется большой переполох, будет иметь немаловажное значение, сбежали угонщики с оружием или без оно. Этот фактор напрямую повлияет на код объявленной тревоги и то, что мы отказались взять у законников криокастеры, впоследствии обязательно сыграет нам на руку.

Обезвредив трофеи, Гробур швырнул свою сумку на стол, извлек из нее силовые кастеты и вновь нацепил их на запястья. После чего поморщился и неохотно убавил на кастетах мощность энергетического импульса. А я в это время вышел на балкон и осмотрелся, не вызвало ли наше агрессивное вторжение какой-либо резонанс на базе.

Вроде бы тишь да благодать... Но это ненадолго. В вольерах уже при всем желании не получится работать по-тихому, и к моменту, когда мы – дай-то Боги – оседлаем турбошмеля, здесь разразится воистину вселенский переполох.

Перебравшись на платформе-левитаторе через пропасть, разделяющую «яйцо» и шпиль, мы пристыковались к одним из нижних ворот, предназначенных, как и прочие, для пролета транспортных животных. Мне доводилось бывать в таких сооружениях, поэтому я отлично

знал их внутреннее устройство. Это «яйцо» ничем не отличалось от других, ему подобных. Сердцевину его составляли непосредственно вольеры – многоярусные клетки, в которых содержался мутапарк базы. Вверху, по правилам, размещались тяжелые на подъем махолеты. При помощи своего большого магического экипажа они стартовали в воздух непосредственно из открывающегося купола «яйца». Остальные мутазверии – паракрылы, стрекоптеры, турбошмели и другие животные, что приписывались к полицейским отрядам, помимо штатных, – покидали вольеры через боковые ворота. Между клетями, где мутазверии проходили полное биомеханическое обслуживание, и воротами пролегали короткие взлетно-посадочные полосы, а перемещение погонщиков и техперсонала между ярусами осуществлялось по многочисленным лестницам. На самом дне «яйца» обычно располагалась диспетчерская и прочие служебные помещения.

В этот час в вольерах присутствовало мало биомехаников и мобильников, охранявших мутапарк от вторжения с воздуха – вероятность этого никогда нельзя было исключать. Однако количество находящегося на ярусах персонала все равно не позволяло нам остаться незамеченными. Едва мы с Гробуром нарисовались в воротах, как на нас устремились взгляды большинства здешних обитателей. И если Торки Бикс еще мог бы с грехом пополам сойти издалека за сотрудника базы, то ящеру рассчитывать на такое везение однозначно не приходилось. Биомеханики бросили свои дела и начали показывать на нас друг другу пальцами, а охранники с грозными криками устремились в нашем направлении, словно рыбешки – к плавающей в воде хлебной корке. Стрелять в нас без явной на то причины законники, естественно, не стали, но криокастеры держали на изготовку.

Пока в вольерах царили последние спокойные мгновения, я постарался окинуть взором видимые снизу ярусы и определить, где именно содержатся турбошмели. То, что они здесь есть, сомнений не вызывало. Перехватчики являлись штатными мутазверьями мобильных отрядов, и в каждое подобное подразделение должно было входить как минимум два таких животных. Выяснить бы только, где конкретно их искать, до того, как желтобрюхий учинит в «яйце» грандиозную бучу.

Дождаться, когда охранники стянутся к нам с чешущимися на спусковых крючках пальцами, было не резон, и мой персональный ящер-хранитель решил перехватить у противников инициативу.

– Беги по кругу и ищи то, что нужно! Обежишь ярус – забирайся на следующий и дуй тем же маршрутом. Как найдешь турбошмеля – крикнешь, – дал мне Гробур последние указания. – И главное, не останавливайся! Что бы ни случилось – вперед и только вперед! А я тебя прикрою. Готов?

Я совершил шумный мобилизующий выдох, весь подобрался и подтвердил готовность.

– Тогда пошел! – рявкнул ящер, и я со всех ног припустил по указанному маршруту...

Бывало на Рэдисе, когда мне хотелось выть от беспросветно унылой жизни, я ностальгировал по прошлому, наполненному будоражащими кровь приключениями. Да, многие из них были связаны с риском для жизни, и, выбравшись из очередной передрыги, я молил покровителя Эрена, чтобы в следующий раз он оградил меня от подобной опасности. Однако, угодив на каторгу, я вдруг осознал, как же мне стало не хватать того калейдоскопа событий, что представляла из себя моя разухабистая жизнь на свободе. И я начал истово просить покровителя об обратном, требуя забыть мои прежние молитвы и вернуть всё на свои места.

Поэтому было бы верхом неблагодарности упрекать сейчас Эрена в том, что жизнь Торки Бикса вернулась в старое русло. И теперь по этому руслу мчался уже не извилистый бурный поток, а свирепая неукротимая лавина. Или я неправильно формулировал свои молитвы, или дух покровителя решил проявить ко мне великую щедрость, но он воздал на мои просьбы в таком объеме, что впору было за голову хвататься. Если раньше я и вляпывался в нечто похожее, то очень и очень редко.

Ящер настоятельно рекомендовал не останавливаться, что я и делал. Благо, сверкать пятками Молниеносный Бикс умел, как никто другой, ибо занимался этим практически всю свою карьеру погонщика. Накажи мне Гробур вдобавок не оглядываться, я и тут подчинился бы беспрекословно – взирать на воцарившийся в «яйце» бедлам было выше моих сил. Но на меня возлагались поиски конкретного мутазверя, и потому приходилось смотреть в оба и ужасаться, вопреки желанию закрыть глаза на творившееся окрест беззаконие.

Вот это была пробежка, доложу я вам! Вокруг, не смолкая, свистели энергетические лучи, раздавались крики, топот и грохот разлетающихся ледяных глыб, когда выстрелы охранников попадали в стены и расставленное повсюду оборудование. Законники с упоением палили по нам из криокастеров, обслуживающий персонал с воплями разбежался кто куда, а мы с Гробуром, сломя голову, кружили по ярусам в эпицентре этого грохочущего урагана. И то, что при заходе на очередной круг я все еще оставался цел и невредим, было лишь заслугой моего хвостатого опекуна.

Из двух вариантов моей защиты он избрал самый рискованный, но в то же время и самый действенный. Благодаря отменной прыгучести желтобрюхий мог здорово срезать себе путь, не бегая по лестницам, а сигая напрямик с яруса на ярус. Это позволяло ящеру оказываться то впереди, то позади, то выше либо, наоборот, ниже меня – в зависимости от того, откуда нам угрожала наибольшая опасность. Когда на моем пути вырастали готовые стрелять на поражение охранники, тут же откуда ни возьмись на них сваливался разъяренный Гробур. А если он видел, что не поспевает, то швырял в противников или подвернувшийся под руку контейнер, или не слишком тяжелое оборудование, а порой и кого-либо из собратьев атакующих меня законников. Короче говоря, трудился в поте своей чешуйчатой морды, оберегая Торки Бикса от превращения в ледяную скульптуру.

Я не обежал и первый ярус, а Гробур успел навести в «яйце» такой шорох, какой здесь наверняка еще не видывали. Не обнаружив искомое – в нижних вольерах обитала лишь мелочь, вроде паракрылов, – я взобрался на следующий уровень уже под аккомпанемент тревожной сирены. Казалось, что она грянула на базе из всех щелей, как воздух из прохудившихся мехов. Следовало прибавить ходу: пока у ящера хватало сноровки противодействовать законникам, но когда они стянутся к вольерам со всей базы, нам долго не протянуть.

На втором ярусе содержались патрульные стрекоптеры – самый распространенный полицейский транспорт в Истинной Империи. Три пары достаточно быстрых стрекоптерских крыльев тоже могли бы нас устроить, но только в том случае, не будь мы катастрофически ограничены во времени. Я без труда добрался бы на таком мутазвере до Рубина за пять-шесть дней, но увы, под наши непомерные запросы подпадал лишь турбошмель, и то подвергнутый кустарной модернизации.

Второй круг по «яйцу» дался мне чуть полегче. Гробур нейтрализовал больше половины охранников, а те, что еще были боеспособны, рассредоточились на верхнем ярусе и шаркали по нам оттуда энергетическими импульсами. Компаньон не переставая швырял по врагам подручными предметами. Это не причиняло одетым в доспехи законникам вреда, но сбивало их атаки, вынуждая прерывать стрельбу и уклоняться от тяжелых импровизированных снарядов. Сам ящер, которого, несмотря на завидное проворство, то и дело задевали касательные выстрелы, освобождался от ледяных оков, просто стряхивая их со своего жаропрочного комбинезона, специально раскаленного Гробуром чуть ли не докрасна.

Еще не взобравшись на третий ярус, я понял, что подниматься на четвертый мне, к счастью, не придется. До трех вольеров, в которых находились перехватчики, было рукой подать. Стоило лишь взбежать по лестнице, и вот они, наши славные турбомалыши, передо мной. Но как раз в межъярусном переходе меня и поджидала досадная неприятность.

Пытаясь укокошить мечущегося туда-сюда ящера, охранники всадили в этот участок яруса не менее десятка криоимпульсов. На пути у меня возник непроходимый барьер – ледя-

ная глыба, облепившая лестницу, словно мороженое – палочку. Ни перепрыгнуть через лед, ни перелезть через него мне было не под силу.

– Гробур, змеиный сын! – заорал я, стараясь перекрыть не смолкающий в «яйце» гвалт. – Быстрее сюда, Шинтай тебе в печенку!

В следующий миг желтобрюхий был рядом, практически свалившись мне на голову откуда-то сверху. От брайхорнца исходили ощутимые даже на расстоянии волны нестерпимого жара, будто все это время компаньон не воевал с охранниками, а прогревал свои огнеупорные кости в кузнечном горниле. Без подсказок определив, зачем его отвлекли от перестрелки, ящер кинулся к заблокировавшему лестницу айсбергу и окатил его из пасти огненной вспышкой. А потом вонзил раскаленные руки прямо в лед и, объятый облаком пара, с хрустом отодрал глыбу от ступенек. Она сразу же раскололась на несколько обломков, самый крупный из которых остался в лапах Гробура, с шипением брызжа на него талой водой.

Тем временем суетившиеся на верхнем ярусе охранники, потеряв цель, сменили диспозицию и подступили ближе, дабы продолжить пулять по нам из криокастеров. Но едва группа стрелков заняла удобный плацдарм за штабелем контейнеров, как в их сторону помчался стремительный ледяной снаряд весом в пару центнеров.

Поначалу мне показалось, что ящер промахнулся, запустив ледяной обломок гораздо выше баррикады мобильников. Но через секунду я понял, что хвостатый глыбометатель нарочно выбрал именно такую траекторию для броска. Врезавшись в стену позади противников, льдина разлетелась вдребезги и камнепадом осыпалась на головы охранников, не ожидавших от интервентов такого выпада. Стрелков завалило ледяными обломками, но, когда законники пришли в себя, на них обрушилась новая напасть в лице атаковавшего их Гробура. Он запрыгнул на верхний ярус вслед за брошенной им глыбой и бил по вражьи головам куда болезненнее ее осколков.

В ближнем бою ящера абсолютно не волновало, сколько тонкокожих ему противостояло: два, как в кабинете Лестера, или втрое больше, как сейчас. Схватка за баррикадой окончилась еще до того, как я миновал лестницу, а затратил я на это всего несколько секунд. Главные подробности скоротечной стычки компаньона с остатками противника я прозевал. Засвидетельствовал лишь финальный аккорд, когда последняя жертва ящера развалила лбом баррикаду и осталась лежать без чувств на груди рассыпанных контейнеров.

В «яйце» и за его пределами продолжала надрываться сирена, но на поле боя возникло кратковременное затишье. Я беспрепятственно добрался до нужных вольеров и окликнул компаньона, который оценивал результат своей победы и следил, дабы какой-нибудь биомеханик не подкрался и не пальнул нам в спины из криокастера. Хотя последнее было маловероятно. Техперсонал разбежался при первых же выстрелах, и если планировал вернуться в мутапарк, то лишь в боевой экипировке и при поддержке всего личного состава базы. Это означало, что на все про все у нас оставалась не более пары минут.

Я отпер вольеры и отступил назад, оценивая богатство выбора. Турбошмели! И не надеялся, что снова увижу вас, быстрокрылые вы мои! Расцеловал бы каждого, да боюсь, брайхорнец меня не так поймет.

Я всегда считал турбошмелей лучшими из мутазверей не только по скоростным показателям, но и по внешнему виду. Крепкое, устойчивое при резких маневрах тело. Под бронекварцевым забралом – большие выпуклые глаза-полушария, позволяющие перехватчику обзреть окружающий мир на триста шестьдесят градусов во всех плоскостях. Две пары широких и невероятно мощных крыльев, частоту взмахов которых приходится ограничивать в полтора раза, поскольку даже погонщику-асу очень тяжело справиться с управлением необузданного перехватчика. Двухсотлитровые легкие с турбопродувом и форсированное сердце с принудительной стимуляцией клапанов, способное прокачать за секунду пять полных кругов кровообращения. Кровь, само собой, тоже особая: высокоэнергетическая, повышенной текучести;

плюс в арсенале погонщика имеется набор инжекторов для впрыска в кровеносную систему турбошмеля искусственных препаратов: возбудителей, стабилизаторов и транквилизаторов – на все случаи турбошмелиной жизни...

Не наскучил? Уж простите, но когда Торки Бикс заводит речь о своем излюбленном мутазвере, остановить его так же сложно, как и летящий на полной скорости перехватчик...

Итак, на чем мы остановились?.. Ах да – кровеносная система!.. К ней в придачу шли спаренные аккумуляторы последнего поколения, расположенные в заднем, самом большом сегменте мутазверино брюха. Три пары лап с цепкими фиксаторами, предназначенными для посадки на вертикальную поверхность. Центральная нервная система и головной мозг – без ложной скромности шедевр биоинженерии. Исключительная скорость реакции на команды погонщика. Даже в автономном режиме перехватчик способен на довольно сложные маневры и самостоятельное уклонение от стихийных магических атак. А в паре с высокопрофессиональным погонщиком этот мутазверь и вовсе творит в воздухе чудеса...

Ну и напоследок об обшивке. Не знаю, кто именно разрабатывал ее дизайн, но этот биоинженер являлся истинным гением своего дела. Немного резкие, но гармоничные обводы обтекателей и защитных надкрылий словно подчеркивали крутой нрав турбошмеля, придавая ему воинственный вид, даже когда мутазверь не размахивал крыльями. А расположенная перед ветровым стеклом нашлепка воздухозаборника турбопродува напоминала свирепо оскаленную пасть. Хотя пасти как таковой у перехватчика не было, а питание осуществлялась через короткий, втягивающийся под обтекатели хобот. В отличие от большого шестиместного стрекоптера компактный турбошмель мог нести на себе лишь погонщика и пассажира, зато был оборудован четырьмя консолями для магического вооружения, типа скорострельных спеллганов «Шквал» и «Гейзер». Огневая мощь перехватчика, полностью укомплектованного бортовым арсеналом, являлась очень внушительной, а десяток этих злобных мутазверушек мог потягаться в бою даже с огромным летающим драгокрейсером.

Консоли на обнаруженных мной турбошмелях пустовали. Но это, опять-таки, было для нас к лучшему – угонять обвешанных спеллганами летающих убийц являлось заведомо гиблой затеей по уже упомянутым мной причинам.

Я присмотрелся к маркировке на боковых обтекателях и был приятно удивлен представленным здесь турбошмелиным разнообразием. Из четырех вариантов стихийных аккумуляторов – огненных, воздушных, водяных и минеральных, – коими оснащались все без исключения крылатые мутазверь, каждый мой красавец работал от одной из этих разновидностей. Кроме минеральной – перехватчика, способного питаться землей, песком и камнями, на этой базе не было.

Так какого же турбошмеля выбрать? Раньше прагматичный Бикс отдал бы предпочтение тому, чьи аккумуляторы промаркированы гербом магического Дома Говорящих с Ветром. Такой перехватчик мог подпитывать себя энергией прямо в воздухе и являлся лидером среди особей своего вида по дальности беспосадочного перелета. Турбошмель – носитель клейма Дома Слушающих Воду – стоял в данной категории на втором месте: опытные погонщики умели подзаряжать водяные аккумуляторы, пролетая на малой скорости над поверхностью водоемов. Однако при очевидных преимуществах этих разновидностей турбошмелей я выбрал того, на котором красовался герб Дома Поющих Огню.

Выбор мой обуславливался одним безвыходным обстоятельством: мне было некогда искать в огромном мутапарке намордник-огнегаситель для Гробура. Безусловно, такие устройства здесь имелись – на случай транспортировки мобильниками арестованных брайхорнцев. Вот только где хранились огнегасители, я не имел ни малейшего понятия. А о грибах можно и не заикаться – они на базе законников не росли.

Огненный турбошмель был единственным из присутствующих здесь перехватчиков, кого не пугало дыхание моего компаньона. При желании ящер мог даже подзаряжать этому мута-

зверю аккумуляторы, засунув себе в пасть датчик энергокабеля. Только, при всей рациональности подобной подзарядки, я бы не рискнул предлагать такое хвостатому герцогу. Обидчивая высокомерная тварь! А жаль – сэкономил бы нам несколько часов бесценного путевого времени...

Желтобрюхий немало обрадовался тому, что в дороге ему дышать придется не через намордник или – упаси Анадор! – опять затыкать пасть грибами. Пока я устанавливал контакт с турбошмелем – уж с этими-то мута-зверьми я всегда был на твердое дружеское «ты», – ящер топтался перед вольером и поторапливал меня. Перехватчика угрозы Гробура не волновали. Крылатое животное отныне подчинялось только Молниеносному Биксу, и, как бы ни поджимало нас время, я не собирался начинать знакомство со Злюкой в нервном понукающем тоне (по традиции, я называл именем моего первого мутазверя всех своих подопечных, с коими судьба связывала нас надолго). Те полминуты, что я потратил на идиотское, по мнению ящера, перешептывание с турбошмелем, впоследствии окупятся нам с лихвой. Истина, доказанная мной на практике не один десяток раз.

– Извини, друг Бибар, но на твою морду здесь ничего подходящего нет! – сочувственно заметил я, бросив компаньону один из шлемов, обнаруженных на стеллаже возле вольера.

Гробур раздосадованно фыркнул, но приторочил-таки человеческий шлем на свою продолговатую чешуйчатую башку. Выглядеть он стал после этого донельзя комично, но у меня не оставалось времени отвесить ублюдку приличествующий случаю комплимент.

– Герцог – марш в седло! – громко скомандовал я вместо шутки. Впрочем, вновь выпавший мне шанс покомандовать породистым ящером тоже мог считаться поводом для маленького злорадства.

Компаньон вскочил в пассажирское сиденье, без напоминаний пристегнулся ремнями безопасности и, предвидя головокружительный взлет, крепко стиснул лапами поручни. Я же сначала вывел мутазверя на стартовую дорожку и приказал ему бежать к воротам, постепенно разгоняя крылья до рабочей частоты и амплитуды.

А в «яйцо» уже отовсюду врывались мобильники, облаченные в боевые доспехи и сменившие табельные криокастеры на более мощные спеллганы. Расстреливать нас на взлетной полосе законники не рискнули – побоялись угодить в расположенные за нашими спинами вольеры. Огонь будет открыт, когда мы окажемся поблизости от ворот – только так можно обезвредить похитителей с минимальными потерями. Несколько десятков законников разбежались по ярусам и замерли с оружием навскидку. Еще немного, и на нас обрушится шквал всевозможных импульсов – подобно мутазвериным аккумуляторам, энергетические батареи спеллганов имели те же четыре стихийных разновидности.

Тем временем нарастающий рокот крыльев Злюки перешел в более высокую тональность и превратился в устойчивый рев, режущий ухо тем, кто слушал его не через наушники шлема. Я определил на слух, что турбо-шмель размял мускулы, разогрел кровь, проветрил легкие и теперь полностью готов к полету.

– Ну держись, желтобрюхий! – напоследок предупредил я Гробура по встроенной в шлемы системе внутренней связи. Компаньон что-то буркнул, видимо, подтвердил готовность. Хотя я очень сомневался, что он действительно готов к тому, что сейчас произойдет...

Мобильники терпеливо ждали, полагая, что сначала мы подыдем по стартовой дорожке к воротам и только потом взлетим. Так подсказывала полицейским их безупречная во всех отношениях логика. Но они ошиблись. Впрочем, их вины в этом не было: законники еще не ведали, с кем имеют дело и что такие понятия, как «логика» и «стиль вождения Молниеносного Бикса» находятся друг от друга еще дальше, чем луны мира Пророчества.

Бросив взгляд вверх и обнаружив над головой свободное пространство, я внезапно для всех (подозреваю, что и для Злюки в том числе) приказал перехватчику взлетать. Турбошмель резко оттолкнулся лапами от дорожки и, подпрыгнув вертикально вверх на уровень целого

яруса, прочно, что называется, встал на крылья. То есть, в переводе с погонщицкого: задействовал по максимуму всю их амплитуду, отмеренную когда-то природой и увеличенную затем магами-биоинженерами.

В такой взрывной манере турбошмели стартуют лишь с земли, но уж точно не там, где для взлета имеется удобный трамплин. Торки Бикс грубо нарушил правила вождения крылатых транспортных животных, и по закону его требовалось лишить прав на год. Пожалуй, это было самое безобидное преступление, которое я совершил с момента нашего побега. А с учетом того, что меня пожизненно лишили прав аж десять лет назад, то и отбирать у Бикса, выходит, было нечего. Кроме, само собой, жизни и свободы. Но их я не намеревался вот так просто преподнести мобильникам на блюдечке. Прецедент такой фатальной безалаберности в моей практике имелся, и я не был идиотом, чтобы второй раз наступать на одни и те же грабли.

Капитан Кайлина Лэнс... Вот бы взглянуть, как перекошится твое смазливое личико, когда выяснится, что твой лучший карьерный трофей – пойманный год с лишним назад Молниеносный Бикс – сбежал с каторги и раскатывает по миру на украденном перехватчике. Даже знай я заранее, что эта авантюра закончится для меня плачевно, все равно согласился бы на побег лишь ради того, чтобы доказать этой мерзавке: не ей распоряжаться моей свободой, будь Кайлина хоть трижды крутой охотницей за погонщиками-нелегалами...

Резко взмыв над ярусом, я тем самым спровоцировал мобильников открыть огонь, но не стал дожидаться, когда нас накроет залп энергоимпульсов. Надежно поставив турбошмеля на крылья, следующей командой я бросил его вниз по рискованной траектории, в ближайшую череду межъярусных просветов – туда, откуда мы ворвались в мутапарк. Вытворял ли здесь раньше кто-нибудь такие выкрутасы? Вряд ли. И не потому, что законопослушные мобильники свято чтят правила мутазверинового движения. Кроме себя, я знал лишь трех погонщиков, способных на подобные маневры в закрытом тесном пространстве. И двое из этих бесшабашных парней уже покоились в могиле.

Ошеломив противников, большинство из которых подтянулось к выходу, коим Торки Бикс и не собирался пользоваться, я вывел перехватчика из пике и направил его к ближайшим воротам нижнего яруса. Еще наверху я обратил внимание на то, что створки всех ворот в мутапарке пришли в движение. Диспетчер базы пусть запоздало, но сориентировался во внештатной ситуации и решил отрезать интервентам пути к отступлению.

Не вышло. Пройдя на бреющем полете прямо над головами нескольких мобильников – те из них, кто не догадался плюхнуться на пол самостоятельно, сделали это под ударом воздушного потока из-под крыльев Злюки, – мы прошмыгнули в уже наполовину закрытые ворота, чуть не скребанув по ним надкрыльями. А затем я заложил очередной лихой вираж, уводя перехватчик вверх, к куполу «яйца». Было очевидно, что законники начнут палить нам вслед, поэтому первым делом я рванул туда, где мы представляли из себя максимально неудобную мишень.

Во дворе базы было малоллюдно, поскольку все ее обитатели стянулись в главный корпус на отлов распоясавшихся угонщиков. Лишь несколько энергоимпульсов прочертили воздух – это стерегущие периметр охранники заметили, как по нам палят из ворот мутапарка, и надумали внести свою лепту в общий ажиотаж.

Я даже не оглянулся. Набрал высоту в полторы сотни метров (выше турбошмель терял устойчивость и становился плохо управляемым из-за ураганных порывов ветра), я взял курс на юг и погнал Злюку на полной скорости прочь от базы. Молниеносный Бикс дорвался до своей родной стихии, и ни кусающая его за пятки озверелая полиция, ни туманное будущее не могли омрачить эйфорию легендарного погонщика. В конце концов, разве не эта чистая, неудержимая и всепоглощающая любовь к скорости составляла смысл всей моей жизни?..

5

За истекшую ночь и половину утра я побывал в стольких переделках и теперь хотел лишь одного: найти укромный уголок и взять хотя бы часовой тайм-аут. Но время останавливаться и переводить дух еще не пришло. За нами по пятам следовала целая полицейская эскадрилья, и если насчет вертолетов я особо не переживал, то два оставшихся на базе перехватчика могли вскоре серьезно подпортить нам настроение. Уповать на низкую квалификацию их погонщиков не резон – ведь именно для таких операций этих мобильников и готовили.

Следовало срочно унять возбуждение, охватившее меня, едва я вновь очутился в седле турбошмеля, и пораскинуть мозгами, как стряхнуть с хвоста близкую и реальную угрозу. Уйти в отрыв от парочки собратьев Злюки представлялось в настоящий момент невыполнимой задачей. Перехватчики ринулись за нами по чересчур горячим следам – таким, по которым Молниеносного Бикса отыщет даже сопливый полицейский стажер, не говоря о более опытных законниках.

Дабы не расходовать зря силы Злюки на борьбу с ветром, я снизил перехватчика до сотни метров и повел его над лесом, едва не цепляя турбошмелиным брюхом верхушки эвкандубов. Их густые кроны проносились под нами нескончаемым зеленым ковром – безусловно, красивое зрелище, но с позиции преследуемых охотниками жертв это была невыгодная для бегства местность. Нам следовало при первой же возможности менять курс и подыскивать такой путь, чтобы он пролегал поближе к земле.

Кто как, а Торки Бикс ненавидел полеты на максимальной высоте. Наверное, потому что полицейские погонщики никогда не открывали без нужды огонь по низколетящим нарушителям, опасаясь жертв среди гражданского населения. В то время как злостных преступников «высокого полета» – в прямом смысле этого слова – законники расстреливали безо всякой жалости и в какой-то степени даже азартно.

Мне посчастливилось наткнуться на более-менее сносный маршрут именно тогда, когда на горизонте показались давно ожидаемые мной перехватчики. Поводом для их короткой задержки послужила техническая модернизация, которой подверглись турбошмели, прежде чем были брошены в погоню за нами. А именно: установка на оружейные консоли скорострельных спеллганов, что могли на порядок облегчить нашу поимку. И теперь обвешанные оружием перехватчики готовились принудить нас к посадке, а в случае неповиновения – уничтожить угонщиков залпом из всех бортовых орудий. Но первая атака произойдет не раньше, чем законники признают себя неумелыми ловцами и сочтут целесообразным перейти на крайние меры. Так что я мог еще какое-то время не вздрагивать при звуках выстрелов и не переходить к крайним контрмерам – весьма опасным приемам, не оставляющим при их исполнении ни единого шанса на ошибку.

Пытаясь привлечь к себе внимание, законники еще издали дали поверх наших голов неприцельный залп дальнобойными электрическими разрядами. Не заметить их было нельзя. Яркие молнии стеганули по воздуху, и как бы я ни готовился к чему-то подобному, все равно вздрогнул. После чего, не сбавляя скорости, направил Злюку вниз. Но не на посадку, как, вероятно, подумали мобильники, а к замеченной справа по курсу реке. Расположившись в рваном шрамом бескрайний лесной массив, речное русло петляло по долине тоже в направлении юга. С этой широкой рекой нам было по пути, и лучшей возможности убраться с опасной высоты я не видел.

Произведя в уме примерную географическую выкладку, я решил, что под нами – одна из крупных северных рек Рионан. Косвенно это подтверждалось еще и тем, что на обозримом сверху длинном речном отрезке не наблюдалось ни торговых судов, ни мелких рыбачьих лодок, которые на других транспортных артериях материка сновали, не переставая, даже в безлюдной

местности. Рионан являлся несудоходным, хоть и был полноводен, как другие похожие на него реки.

Коварство Рионана крылось в характере русла, что пролегалo аккуратно по древнему континентальному разлому. Его глубины хранили множество опаснейших сюрпризов, а вместо дна на всем протяжении реки пульсировала торчащая из разлома Каменная Тьма – таинственный геологический пласт планеты, образовавшийся за миллионы лет до появления на ней сидов. Тьма эта находилась в постоянном движении: то вздыбливалась над водой высокими хребтами, то оседала бездонными впадинами, а то и вовсе уходила обратно в разлом, чтобы потом вырваться из него с чудовищной силой. Нетрудно представить, насколько непредсказуемыми были воды Рионана, которые в любую минуту могли разверзнуться либо, наоборот, встать стеной и вмиг утопить даже огромную речную баржу. Внезапные водовороты, буруны, огромные волны, порой возникающие буквально на ровном месте, были здесь не в диковинку. Каменная Тьма словно играла этой рекой, подобно тому как ребенок переливает из ладошки в ладошку воду и плещется ею, как ему заблагорассудится.

Мы не намеревались плыть по Рионану, но все равно я не хотел лететь низко над водой без особой надобности. Еще во время снижения я с ужасом пронаблюдал, как прямо по курсу на довольно протяженном участке середина реки взяла и просто-напросто превратилась в бездонную впадину. А в следующую секунду ее края сомкнулись, отчего вверх ударил высоченный, искрящийся брызгами бурун, а по реке во все стороны пошли исполинские волны. Две из них сразу же ударили в обрывистые берега, что являли собой сплошные отвесные скалы, и доверху омыли их и без того блестящие гладкие поверхности.

Разгадав мои намерения, мобильники дали по нам еще один предупредительный залп, но последовали за угнанным турбошмелем к реке, как привязанные. Когда Злюка опустился ниже уровня речных берегов, я выровнял его полет и скоординировал курс по центру русла, дабы было сподручнее вписываться в изгибы реки. Полет по зигзагообразному коридору выглядел уже на порядок сложнее вольготного путешествия над лесными просторами. Зато над Рионаном наши шансы отделаться от законников выросли из мизерных до вполне осуществимых.

Погонщики полицейских перехватчиков четко воспроизвели все мои маневры, чем заслужили от меня скупую мысленную похвалу. Получить ее от Молниеносного – даже в такой форме – было для законника равносильно вручению знака высшей доблести. Преследователи то появлялись в поле моего зрения, то ненадолго скрывались за поворотами, но уверенно держались у нас на хвосте, демонстрируя неплохую выучку. Впрочем, в ее наличии у этих мобильников я и не сомневался, иначе стал бы вообще усложнять себе путь? Однако пока что враги не удивили меня ничем таким, чему бы их не обучали на курсах перехватчиков. Что ж, настала пора проверить, способны ли они тягаться на равных с погонщиком-импровизатором.

Мое паническое бегство обязано было укрепить мобильников в мысли, что погоня будет продолжаться лишь в таком прямолинейном ключе. Хотя, если парни видели мои выкрутасы в мутапарке, они должны быть готовы к сюрпризам. Но, судя по всему, преследователи чересчур уповали на свои спеллганы, считая, что в итоге они и поставят точку в охоте за угонщиками.

Очередной залп, на сей раз лишь отдаленно похожий на предупредительный... Скорее сделанный по принципу: «Пока пальну не целясь, а если случайно попаду, то и Шинтай с ними». Кажется, я ошибся в прогнозах: терпение законников иссякло гораздо раньше, и следующий выстрел в нас они произведут уже по всем правилам.

Ответный выпад Торки Бикса был прост в исполнении только на первый взгляд. На самом деле выполнять такие трюки достаточно сложно. Одна неверная команда, и тщательно сбалансированный полет турбошмеля может быть нарушен, после чего мутазверь уподобится огромному кувыркающемуся камню, выпущенному из энергобаллисты, и расшибется в считанные мгновения вместе с седоками.

Отринув сомнения, я снизился над самой рекой, а потом заставил Злюку окунуть в воду все шесть конечностей и вдобавок врубил ему на полную катушку турбопродув легких. Последняя функция не только компенсировала неизбежную потерю скорости при контакте с водой, но и создала в выхлопной трахее мутазверя, выведенной на брюхо, ударный воздушный поток. Он, а также бороздящие водную гладь когти перехватчика вкупе с напором его крыльев вздыбли позади нас непроницаемую завесу водяной пыли.

Миг, и за нами тянется колоссальный шлейф играющих на солнце радужных брызг, разбрасываемых турбулентными завихрениями на довольно приличную высоту. Лететь по центру речного русла, повторяя нашу траекторию, стало для законников невозможно из-за нулевой видимости. Гнаться за нами, сместившись к какому-либо из берегов, было чревато угрозой не вписаться в первый же крутой поворот. Преследователям оставалось только взмыть вверх и, покинув слепую зону, продолжить погоню на безопасной высоте. Что они и сделали, дав перед этим наугад общий залп из всех стволов. На сей раз, помимо молний, вокруг нас пронеслись плотный град острых льдинок и стремительный сонм миниатюрных комет, похожих на ту, что висела на небе всю прошлую ночь. Продлись эта беспорядочная шквальная стрельба еще немного, и мы точно угодили бы под шальную очередь. Но, продолжая слепой полет, охотники рисковали гораздо сильнее жертвы. Поэтому, выплеснув наскоро злобу, они поспешили взмыть над рекой, дабы, фигурально выражаясь, протереть глаза и вновь сориентироваться в пространстве.

Однако за время, потраченное мобильниками на подъем, мы, продолжая лететь по прямой, сумели значительно оторваться от них, что ухудшило меткость вражеской стрельбы. Едва я заметил, что враг приотстал, как сразу же прекратил водную феерию и вернулся на прежний курс. Но турбопродув не выключал, оставив возможность быстро воссоздать завесу, если мобильники вновь снизятся над водой. Разумеется, полет перехватчика в форсированном режиме не способствовал экономии энергии. Впрочем, не о ее расходе следовало сейчас волноваться. Эта проблема встанет перед нами ребром через несколько часов, но если не отвязаться от погони в наикратчайшее время, то до заправки нам все равно не дожить. Больше предупреждений от законников не последует, и отныне они будут стрелять только на поражение.

В данный момент их огонь тоже представлял угрозу, но, как выяснилось, куда большая опасность поджидала нас за ближайшей излучиной. Издалека почудилось, что мы нагоняем некоего шутника-погонщика, который, подобно мне, тоже решил поднять над рекой тучу водяной пыли. Но, вывернув из-за поворота и взглянув на то, что творится впереди, я сразу понял, что иных шутников, кроме Торки Бикса, поблизости нет.

А тому, что было, я дал бы название «лес гейзеров». Несметное количество гигантских струй хлестало прямо из воды, и каждая из них могла легко достигнуть наших преследователей, летящих вровень с краями обрывистых берегов. На смену одному иссякающему фонтану моментально вырастал новый, а то и несколько. Рионан будто обезумел и пытался отрастить щупальца, чтобы дотянуться ими до неба.

Проскочить сквозь лес гейзеров было нереально. Если повезет и Злюке не оторвет крылья, восходящие струи сшибут нас в полете, а плавать и взлетать с воды турбо-шмели не умеют. Развернуться на полной скорости в узком русле не представлялось возможным, притормозить и зависнуть в воздухе – тоже. Слишком мало времени имелось у меня в запасе, чтобы остановить мчащегося на пределе перехватчика. Приходилось выбирать из двух зол: нырять в смертельный душ и стать игрушками в руках стихии либо подвигнуть себя на то, что – могу поспорить – нашим преследователям сроду не доводилось наблюдать воочию.

Таким вещам уж точно не обучают в полицейских академиях. И даже на нелегальных гонках в пустыне Хайран погонщики-трюкачи демонстрируют подобный выпендрег крайне редко – слишком велик риск погубить дорогостоящего мутазверя (про самих трюкачей речь в данном случае не идет – о сохранности своих шкур они никогда не переживали). Однако в

моем случае приходилось рисковать не только ради нас с Гробуром, но и ради Злюки тоже. Не исполнит он как положено мою команду, значит, отправится на дно Рионана кормить рыб... конечно, если они водятся в этой проклятой реке.

Медлить было нельзя. Приняв решение, в следующий миг я уже бросил Злюку в свечу – крутой вираж, при котором траектория полета турбошмеля стала параллельна бьющим вверх гейзерам. В наушниках раздался сдавленный рык ящера. Конечно, Гробур был крепким парнем, но к таким перегрузкам он оказался явно не готов. Ничего, переживет, только бы не поджарил мне спину огненной блевотиной.

Мобильникам, по идее, тоже нужно было волноваться о том, как не угодить в лес гейзеров. Но преследователи в азарте видели перед собой только цель, идущую им наперерез. Наш вертикальный курс пересекался с их курсом аккуратно у вершин бурлящих фонтанов, и законники знали, что если откроют огонь заблаговременно, мы сами нарвемся на шквал выстрелов, поскольку деваться нам было абсолютно некуда. Все элементарно, как по учебнику...

Вот только ни в одном учебнике не описано, как поведет себя перехватчик, когда при инерционном вертикальном взлете – такой, какой сейчас выполняли мы, – погонщик уберет мутазверю надкрылья. Ненадолго – всего на мгновение заставит защитные пластины принять стояночное положение, а потом сразу же вернет их на место. Официально таких испытаний никто никогда не проводил – зачем? Но бесшабашные трюкачи-нелегалы, которые на своем веку – зачастую трагически коротком, – перепробовали все, давно выяснили то, что испытатели-биоинженеры попросту побоялись осуществить на практике. Как оказалось, при таких аэродинамических экспериментах турбошмель далеко не всегда теряет равновесие и падает. А то, что он при этом вытворяет, в кругу нелегальных погонщиков получило название «кувырок пьяницы».

Взглянем на него лучше глазами наших преследователей, то есть со стороны, поскольку я при исполнении этого маневра не наблюдал ничего, кроме сплошного мельтешения и бликов. Представьте себе, что вы находитесь за нейропультом перехватчика, палите из всего бортового оружия и предвкушаете, как ваша цель вот-вот войдет в сектор обстрела и нарвется на грабительный шквал. Хитер был угонщик, отчаянно сопротивлялся, но не повезло ему: угодил в безвыходное положение и проиграл... Прощай, убудок!

Но что это?! Не долетая до зоны поражения считанные метры, турбошмель жертвы внезапно выходит из свечи, лихо кувыркается в воздухе назад, моментально погашая этим инерцию, после чего грузно проваливается вниз. Но когда вам начинает казаться, что сейчас воздушный акробат плюхнет в воду, он выравнивает падение, останавливает его и, как ни в чем не бывало, зависает над рекой, неподалеку от бушующего леса гейзеров.

Впечатляет? Еще бы! Да, на такое определенно стоило взглянуть... Только вы ничего не забыли? А именно: вы по-прежнему летите с бешеной скоростью, а навстречу вам несется непроглядная стена из восходящих водяных струй. Ну так что, продолжите пялиться вниз или как?..

Я не видел, насколько оперативно среагировали мобильники на препятствие. «Кувырок пьяницы» задал нам с Гробуром хорошую встряску, после которой требовалось элементарно очухаться, как после удара по морде. Злюка отлично справился со сложной задачей, успев за считанные секунды переварить уйму моих приказов и скрупулезно их выполнить. Ящер тоже вроде был в норме: бранился и призывал Анадора обрушить мне на голову гнев. Но не сию минуту, а как только я ступлю на землю. Соображал, желтобрюхий, что сейчас Торки Бикс ему нужнее, чем родной отец, а раз соображал, значит, не стряс-таки при кувырке свои змеиные мозги.

Придя в себя, я немедленно повел Злюку на взлет – теперь уже по всем правилам, без трюкачества, – дабы свирепый Рионан не дотянулся до нас случайно водяным щупальцем. Куда подевались преследователи, я догадывался. Перемахнув через лес гейзеров, они навер-

няка сразу же пошли на разворот, намереваясь поймать нас в кинжальный огонь, как только мы высунемся из-за фонтанов. А высовываться так или иначе придется. Бегство в обратную сторону по речному руслу не имело перспектив. И вовсе не из-за внезапных речных причуд. Где-то на подлете к Рионану уже находилась идущая за перехватчиками эскадрилья стрекоптеров и паракрылов, сталкиваться с которой нам было намного опаснее.

Взрыв над гейзерами – интересно, надолго ли здесь возникла эта аномалия? – я тут же убедился в своей правоте. Аккурат в этот момент турбошмели мобильников описывали в воздухе две размашистые, обратно симметричные петли. Зависни мы на месте, и противники, окончив разворот, разнесут нас в клочки. А вот в ходе выполнения своих маневров они стрелять в нас не могут, и даже больше – сами стали уязвимы для атаки. С врубленным турбопродувом я настигну любого из них по прямой еще до того, как законник повернет орудия в мою сторону, и нападёт на врага с фланга. Главное, подобраться к нему вплотную, а уж чем его нейтрализовать, Торки Бикс разберется.

Сказано – сделано. Выбрав мишенью того полицейского, которому до завершения разворота оставалось чуть больше времени, я нацелился на противника и дал Злюке полный ход.

– Гробур! – предупредил я все еще продолжающего браниться компаньона. – Как только крикну, плюй в законника что есть мочи! Но не раньше, иначе все пропало!

– Давно бы так! – Ящер заерзал в нетерпении и прокашлялся, видимо, прочищая наше единственное «торговое орудие».

Когда мы настигли мобильника, он только-только повернулся к нам правым боком и потому заметил наше появление слишком поздно. Редко преступники отваживаются на перехват полицейского мутазверя, ну так мы уже не раз доказали, что анализировать нашу тактику хрестоматийной логикой – все равно что пытаться пересчитать звезды на небе. Бесполезно, одним словом. В седле турбошмеля Торки Бикс мог позволить себе любой кураж, даже откровенно самоубийственный. А тем более нынешний Торки, которому было нечего терять, кроме своей бедовой головы.

– Огонь! – скомандовал я Гробуру, направляя Злюку под брюхо вражеского перехватчика, чтобы мутазвери, упаси Боги, не сшиблись крыльями.

Ящер заранее набрал полную грудь воздуха, а я специально подгадал момент для отдачи приказа, чтобы плевок желтобрюхого не причинил вреда ни турбошмелю, ни его погонщику. Лапы мутазверя были для лучшей аэродинамики убраны под обтекатель, поэтому обжечь их и брюхо животного Гробур не мог. А комбинезон полицейского при надобности выдержал бы куда более продолжительное термическое воздействие, нежели секундная вспышка пламени. Я стремился не уничтожить противника, а лишь вогнать в панику его турбошмеля, поскольку тот, в отличие от Злюки, не обладал иммунитетом к жаркому дыханию ящеров.

Можно было не оборачиваться, дабы убедиться в том, что атака прошла успешно. От кратковременного погружения в агрессивную стихию турбошмель мобильника вышел из-под контроля и сорвался в крутое пике, но, окунувшись в фонтан, резко сменил направление и помчался в сторону берега. Было заметно, что законник тоже запаниковал – оторвать руки от нейропульта во время полета погонщик способен лишь в неконтролируемом состоянии. К счастью, перехватчик дотянул до кромки обрыва, перемахнул через скалы, скребанув по ним брюхом, и на излете унес хозяина в глубь лесных дебрей.

Нам было некогда строить догадки касательно их дальнейшей судьбы. Коллега сбитого мобильника уже смекнул, что случилось, и летел к нам, паля из всех орудий. Мощь обрушившегося на нас огня была, ясное дело, не такой убийственной, как еще совсем недавно. Но повторять нашу удачную контратаку, идя на врага в лоб, а не с фланга, я не дерзнул. Поэтому вопреки жгучему – в прямом смысле – желанию ящера подпалить задницу еще одному законнику, пришлось самим поворачиваться к противнику задом и спасаться, возобновив суматошное бегство вниз по Рионану.

Лес гейзеров протянулся до следующего речного поворота, а за ним вновь начались безмятежные, мерно текущие воды. Глядя на них, невозможно было вообразить, что способна выкинуть река в следующее мгновение. В этом плане характеры Торки Бикса и Рионана являлись схожими, вот только взаимопонимания нам друг с другом было, увы, не найти.

Отважный законник не терял надежды поквитаться со мной за сбитого товарища и шараял энергоимпульсами, почти не переставая. Уворачиваться от его выстрелов было не в пример проще, нежели когда мобильники работали в паре, но преждевременно расслабляться я не намеревался. Теперь оба перехватчика шли на турбопродувах, что добавило в погоню острых ощущений, особенно когда впереди попадалась длинная череда поворотов. Это было хорошее испытание на стойкость и силу духа: для меня – после года отрыва от погонщицкой практики, а для законника – в умении преследовать преступников уровня Молниеносного Бикса.

Впереди вновь замаячило облако водяной пыли, но породили его явно не фонтанирующие до небес гейзеры. Приглядевшись, я определил, что мы движемся прямо на водопад, и, судя по количеству поднятых им брызг, довольно большой. Я усмехнулся: подобные преграды на Рионане были отнюдь не самыми страшными, особенно для турбошмеля.

Однако, что это на самом деле за водопад – а точнее, целый каскад таковых, – мы поняли, лишь когда миновали первую низвергающуюся в пучину водяную стену.

На этом протяженном участке русла Каменная Тьма подступила почти к краям разлома, и местами ее можно было даже увидеть сквозь толщу воды. Как выяснилось, ничего особенного – обычные черные скалы, разве что пребывают в постоянном движении. Поэтому и общая картина реки видоизменялась буквально на глазах. Водопады то удлинялись, то укорачивались, то превращались в грозно ревущие потоки, то «усыхали» до жалких струй, развеиваемых ветром еще до того, как достигали нижней точки своего падения. Укрытое рваным речным пологом, под нами шевелилось чудовище невообразимых размеров. Казалось, оно могло в любой момент расправить плечи и стряхнуть с себя непрочные оковы в виде земной коры, а заодно и топчущую ее цивилизацию мира Пророчества.

Из-за висевших в воздухе мелких брызг впереди лежащий путь просматривался не слишком отчетливо. Но поскольку сейчас он неизменно шел под уклон, это навело меня на мысль о возможности сыграть с противником очередную шутку. Я все ожидал, когда же у него иссякнет боезапас, но расточительный мобильник продолжал испытывать мою реакцию, видимо, в надежде, что рано или поздно она меня подведет. Такое было вполне возможно: человек – не неутомимое существо типа келебра. Зато изобретательное, пусть это качество развито далеко не в каждом из нас. Впрочем, Торки Биксу грех было пенять на его отсутствие. По крайней мере, пока он находится за нейропультом мутаверя.

Оценив обстановку, я наконец решился и при пересечении очередного водопада резко уронил Злюку вниз, прямо в облако водяной пыли. После чего, во избежание эксцессов, замедлил ход и в итоге полностью остановил турбошмеля, приказав ему зависнуть в этой непроглядной влажной мути, что являла собой еще не брызги, но уже и не туман.

Дышать стало трудно, как сквозь мокрую тряпку, но мне, в отличие от компаньона и мутаверя, пребывание здесь доставляло наименьшие неудобства. Гробур зашелся в неудержимом кашле: ему, закоренелому кисломану, чьи огнерождающие железы нуждались в постоянной стимуляции, орошать их водой было и вовсе пыткой. Ящер испытывал сейчас примерно то же, что человек в задымленной комнате, где он может находиться лишь непродолжительное время. Судя по ощущаемым мной через нейропульт реакциям Злюки, ему тоже здесь дышалось не очень вольготно. К тому же махать отяжелевшими от воды крыльями стало гораздо труднее. Это заставляло моего подопечного нервничать и неадекватно воспринимать команды.

Я не собирался задерживаться под покровом водяной пелены долго. Гробур и Злюка были подвергнуты краткосрочным мучениям во имя общего дела: избавления нас от навязчивого преследователя, чье рвение начало меня сильно раздражать. А где раздражение – там и неиз-

бежные ошибки. И потому, пока я не начал их допускать, следовало вернуть себе душевное равновесие, ликвидировав причину, его омрачавшую.

С расстояния, на котором следовал от нас преследователь, нельзя было определить, что конкретно я сделал: сиганул с водопада и продолжил бегство или сбавил ход и притаился в тумане. Мы с законником пролетели уже над десятком водопадов, и после каждого из них я, как обычно, улепетывал дальше, выписывая в воздухе петли и уклоняясь от энергоимпульсов. Поэтому мобильник, не сбрасывая скорости, миновал и эту преграду. После чего опешил, так как угонщика и след простыл... вернее, растворился в облаках водяной пыли.

Противник раскусил нашу уловку в два счета и начал спешно притормаживать, готовясь к развороту. Однако я определил момент, когда враг пронесся у нас над головами, и без промедления дал Злюке полный ход, выводя мутазверя из агрессивной для него среды. Чему он очень обрадовался, дав мне это понять посредством позитивных нейроимпульсов.

В то время как мобильник замедлил скорость, я вынырнул из тумана у него за спиной и, наоборот, взяв разгон, пошел с врагом на сближение. Злюка по моей команде выпустил лапы, приготовившись учинить еще одну выходку, запрещенную правилами мутазверинового движения. Можно было, конечно, снова призвать на помощь ящера, но, во-первых, он еще не прочистил горло от воды, а во-вторых, сейчас мы находились на слишком малой высоте, чтобы потерявший управление полицейский перехватчик мог без проблем дотянуть до берега.

Почуввав неладное, законник оглянулся, но уже не мог избежать надвигающейся угрозы. Он отдал подопечному команду «Полный вперед!» тогда, когда все три пары лап Злюки вцепились в погонщицкое седло и рванули его вместе с хозяином. Крепления на наших седлах способны выдержать хорошую встряску, но если их на разрыв пробуют два турбошмеля – а сейчас именно так и происходило, – закаленные стальные кронштейны выдираются из обшивки мутазверя без труда, словно иголки из игольницы. Рывок, треск раздираемого металла, и кресло с пристегнутым к нему ремнями полицейским взмывает вверх, вслед за нами. А осиротевший турбошмель, бросившийся было вперед, тут же останавливается и висит на месте, как и положено поступать мутазверю при выпадении погонщика из седла.

За турбошмеля можно не переживать: когда перехватчик почувствует, что энергия на исходе, он, повинуясь заложенному в него биоинженерами инстинкту, вернется в автономном режиме назад, на базу. От нас же требовалось утащить погонщика-полицейского подальше, дабы его мутазверь не последовал другому инстинкту – тому, который предписывает транспортным животным подчиняться голосу своих хозяев. Так что просто взять и оттащить пленного законника на берег мы не могли. Требовалось немного прокатить его по воздуху и высадить где-нибудь за каскадом водопадов – оттуда мобильник уж точно не докричится до своего подопечного.

Так мы и поступили. После чего еще час с лишним гнали во весь опор над Рионаном, пока наконец не осмелились сделать остановку для отдыха и подзарядки аккумуляторов. За это время густые леса по обоим берегам реки сменились живописными травянистыми холмами, а местность стала выглядеть куда более цивилизованной. Вдалеке постоянно мелькали поселки и фермы, на лугах паслись тучные стада гитеонов, а на полях зрела пшеница. Над самой рекой стали все чаще попадаться монументальные мосты: или железные, или каменные, но непременно крытые. Иные коммуникационные сооружения не выдерживали дикий нрав Рионана – этого приспешника Каменной Тьмы, который мог в любой момент если не своротить мост, то смыть проходящих по нему людей и транспорт. По этой же причине местные жители предпочитали не селиться близко к берегу, а их дети явно никогда не сидели, свесив ноги, на этих обрывах и не швыряли беспечно камешки в смертоносные воды.

Далеко не все мосты стойко выдерживали удары стихии. На одном таком, с отсутствующим пролетом в середине, мы и совершили первую остановку. Мост этот, как и его уцелевшие соседи, имел вместо перил прочные стены, перекрытые двускатной кровлей, но все подъезды

к нему давно заросли кустарником. Мы приземлились на той половине обрушенной конструкции, крыша над которой еще не провалилась, загнали Злюку под защиту стен, укрыв его от посторонних глаз, и спешились.

С непривычки – как-никак год без практики – меня слегка пошатывало, но в целом самочувствие было вполне сносное. А вот Гробур ощущал себя скверно. Мало того, что он сразу же рухнул на колени и его стошнило похожей на кипящую смолу огненной блевотиной, так еще и чешуя брайхорнца выглядела не рыжей, как обычно, а мутно-бронзовой. С ним творилось что-то неладное, и виной тому был явно не пережитый им головокружительный полет. Впрочем, вряд ли я мог чем-то помочь брайхорнцу, да у меня и своих забот хватало.

При виде разгоревшегося неподалеку огня Злюка тут же инстинктивно выпустил зарядный энергокабель, идущий параллельно хоботу. Но я скомандовал мутазверю «Фу!» и погрозил пальцем: нечего, мол, жрать чужую блевотину, пусть и подходящую по магическим свойствам для зарядки стихийного аккумулятора. После чего сходил на берег, принес из ближайшей рощицы охапку дров, подпалил ее от турбошмелиного пирогенератора и только потом позволил Злюке приступить к пополнению запаса энергии, опустив датчик энергокабеля прямо в костер.

Довольное животное мелко задрожало всем телом – данная процедура мутазверям всегда нравилась. Жаль, при мне не было питательных энергетических гранул, чтобы для полного счастья турбошмели было что бросить и себе в желудок. Однако, собирая дрова, я видел на поляне много цветущего клеверотника – второго после энергогранул любимого лакомства крылатых мутазверей. Поэтому следующая моя вылазка из укрытия была посвящена травосбору – пара охапок, не больше; пусть Злюка порадует, а то дорога предстоит долгая, а мы с ним еще толком и не подружились.

Вернувшись на мост со второй охапкой клеверотника, я обнаружил, что более-менее оклемавшийся Гробур с неподдельным интересом изучает что-то на обшивке турбошмели. Что именно могло заинтересовать там герцога, я поначалу не сообразил. Но компаньон не стал держать меня в неведении и открыл причину своего интереса к нашему Злюке.

– Это ведь «кислый», да? – осведомился брайхорнец, щелкнув пальцем по головкам ампул, заряженных в полуавтоматический инжектор, срабатывающий на ходу от специального нейросигнала погонщика.

– «Кислый», – подтвердил я, уже зная, какая просьба последует дальше. – Как я тебе говорил, аккумуляторы нашего Злюки питаются энергией огня. Поэтому я могу при надобности обогащать кровь мутазверя кислородом для плавного форсирования мощности турбопродува. – И с издевкой добавил: – И не подозревал, что ты интересуешься техникой.

– Мне срочно нужна эта ампула, – без обиняков заявил Гробур, пропустив мимо ушей мою едкую подковырку. – А лучше все. Раз уж ты все равно снимешь турбошмелю ограничитель, значит, эти слабенькие примочки тебе больше не понадобятся, я прав?

– Постой-ка, герцог, – опешил я. Но не от прогнозируемой просьбы кисломана выдать ему турбошмелиный стимулятор, а по иному поводу. – Кажется, первоначально мы договорились, что твоя гильдия предоставляет мне перехватчик со снятым ограничителем. Но на свободе вдруг выясняется, что я сам должен угонять транспорт, да еще с полицейской базы! Ладно, проехали: мутазверь у нас, поэтому будем считать, данную часть уговора вы выполнили. Но как понимать твое заявление о том, что Торки Бикс должен еще и ограничитель вместо вас демонтировать?

– Так и понимай, тонкокожий! – огрызнулся ящер, не сводя взгляда с вождельных ампул. – Ты – крутой погонщик и, стало быть, обязан разбираться в подобных вещах. Поэтому не трепи языком и, пока эта тварь жрет огонь, снимай с нее все, что может помешать тебе выполнить условия нашей сделки!.. Давай сюда «кислый», болван, или я сейчас сам выковыряю эти проклятые ампулы!

– Ладно, не ори, – проворчал я и аккуратно извлек из инжектора четыре стальных баллончика, наподобие того, из которого я дышал под водой на озере, только эти были маленькие и без дыхательного мундштука. – Держи, а то опять в драку полезешь! Но этого «кислого» тебе и одной ноздрей швыркнуть не хватит, лишь хороший стимулятор зазря переведешь... А вот насчет ограничителя, извини, ничем помочь не могу.

– Не понял?! – Гробур бесцеремонно выхватил у меня ампулы и угрожающе навис надо мной.

– Как верно подметило ваше герцогство, Торки Бикс – погонщик, – поспешил я объясниться, пока опять не получил по шее. – А чтобы снять с турбошмеля «узду», необходим биомеханик, причем не первый попавшийся, а специалист своего дела. Я, конечно, могу при надобности устранить кой-какие мелкие неполадки, но для демонтажа турбошмелиного ограничителя у меня кишка тонка... Прости, желтобрюхий. Видишь, как бывает, если заранее не посвящать напарника в свои планы.

Брайхорнец гневно засопел и затрясся. Но насколько бы его ни огорошило мое заявление, он не мог не признать обоснованность этих упреков. Действительно, разве Торки Бикс виноват в возникшей загвоздке? Неизвестно, с кем консультировался Карадор насчет технических деталей нашего побега, но консультант тот был малокомпетентен даже в азах погонщицкого ремесла. Погонщики – не всемогущие Боги. Все, что мы умеем, это повелевать мутазверьми и проводить для них лишь необходимое биотехническое обслуживание. Копание во внутренних транспортных животных и перестройка их анатомии – прерогатива биомехаников и инженеров. Раз эти башковитые парни устанавливают на турбошмели ограничители, значит, и снимать их могут только такие же специалисты.

Продолжая кипеть от гнева, Гробур швырнул ампулы в пасть, разгрыз их и неторопливо втянул сквозь зубы воздух, прогоняя в легкие сжиженный кислород. Вернее, его жалкие капли – по сравнению с дыхательным баллончиком ампулы составляли одноразовые медикаментозные дозы. А они разительно отличались от тех, что требовались законченным кисломанам, пусть даже объем легких и кровеносной системы турбошмелей на порядок превосходил аналогичные органы ящеров.

В сравнении с предыдущим разом нынешняя реакция заглотившего «кислый» Гробура выглядела жалко и практически не огнопасно. Ящер фыркнул не громче теленка, которому в нос попала мошка. Само собой, что настроение кисломана после столь мизерной дозы отнюдь не улучшилось.

– Нам точно не добраться за три дня до Рубина с ограничителем? – спросил он, выплюнув на мост осколки ампул.

– Так же точно, как и то, что ты выжрал у нашего Зюки все кислородные стимуляторы, – огрызнулся я. – Четыре с половиной дня, желтобрюхий, – это я тебе могу пообещать, и то без твердой гарантии. Но не меньше. Да, Торки Бикс – Молниеносный, однако не настолько.

– Твои предложения?

– Ух ты, мне дали право голоса! Вот это прогресс! – с наигранным восторгом воскликнул я, но мигом перешел на серьезный тон – слишком свирепо выглядел сейчас герцог, чтобы ехидничать над ним: – Уж коли тебе приспичило добраться до Рубина в трехдневный срок, предложение у меня только одно: разыскать толкового биомеханика и заставить его решить нашу проблему. Разумеется, нам придется пожертвовать некоторым временем, но я попробую его наверстать, когда мы окажемся над пустыней Хайран.

– В Хайране месяц назад начался сезон ураганов, – заметил ящер. – Каким образом ты собираешься срезать путь по пустыне?

– Это мои проблемы, – заверил я. – Как и поиск биомеханика. Но ему придется заплатить. И довольно много.

– Сколько?

– Год с лишним назад удаление ограничителя стоило три сотни даймов. Сегодня за эту операцию могут просить дороже. Но не дешевле, ручаюсь.

Гробур расстегнул поясной подсумок и извлек оттуда вместительный кошель. Положив его на седло и развернув, брайхорнец в задумчивости уставился на целую россыпь камней-даймов и квадратиков-юн, аккуратно рассортированных по цвету и рассованных по отдельным кармашкам.

Я присвистнул: гильдия определенно не поскупилась, снабдив беглого герцога неплохими средствами к существованию. Не то чтобы крупными, но прежде я зарабатывал такие даймы лишь за два, а в голодные годы и за три нелегальных рейса с материка на материк. Камней в кошеле у ящера для сделки с биомехаником должно было хватить с лихвой, даже по приблизительным подсчетам. Плюс еще на энергогранулы для Зюки останется. А мы могли на три дня и затянуть пояса. Но прежде, чем на это пойти, будет все же неплохо разок набить до отвала наши желудки, истосковавшиеся по нормальной пище и выпивке.

– Этого хватит? – полюбопытствовал ящер, перехватив мой алчный взгляд, направленный на его богатство.

– Не хватит – попробуем поторговаться, – уклончиво ответил я, не желая знакомить чешуйчатого жмота со своими выкладками. – Раньше мутазвериные «потрошители» всегда делали Молниеносному Биксу скидки. Надеюсь, эта замечательная традиция еще в силе.

– Как далеко отсюда расположена твоя биомастерская и насколько ты доверяешь тому «потрошителю»?

– По курсу к югу я знаю лишь одно пригодное для нас местечко неподалеку от Истадала, – ответил я, указав в сторону столицы Истинной Империи. – Если отправимся сейчас, к вечеру будем на разделочной точке. А насчет доверия... Я доверяю тем ребятам ровно столько, сколько и тебе. С той лишь разницей, что они никогда не отрывали мне голову, если я немного запаздывал с доставкой груза. Заглянув к ним, мы рискуем не больше, чем сидя на этом мосту. Когда о нашем бегстве прознают в столице, законники в любом случае навестят то место. Однако, полагаю, это случится не раньше сегодняшней ночи. Днем столичной полиции будет не до этого – она разгребает бардак после Злого Знамени... Так что скажешь, желтобрюхий?

– Не верю я тебе, Бикс, – покачал головой брайхорнец, вперив в меня желтые глазищи, словно пытался своим гипнотическим взором вывести пройдоху Молниеносного на чистую воду. – Никому из тонкокожих не верю. Пусть ты работал с нашими гильдиями и знаком с теневым кодексом, все равно у Гробура нет к тебе ни грамма доверия. Я добыл для тебя турбошмеля, и теперь ты можешь смыться от меня в любой момент. Готов поспорить, что так оно вскоре и случится...

– В том месте, куда мы летим, можно купить «кислый». – Уж кто-кто, а я знал аргумент, который избавит компаньона от сомнений.

Ящер осекся на полуслове, помолчал немного, отвернувшись к реке, после чего молвил:

– Ладно, уговорил. Но учти: обманешь Гробура...

– Да слышали мы это уже, и не однажды, – притворно закатив глаза, скривился я. – «Обманешь Карадора!.. Обманешь Гробура!..» Скажи, на кой Шинтай Торки Биксу ссориться с вашей гильдией? Поимел бы хоть немного уважения к товарищу по несчастью! Эх, чем бы мне пригрозить тебе таким страшным, чтобы ты свое слово сдержал, а, желтобрюхий?..

6

Отрадно, что некоторые вещи в нашем изменчивом мире все же остаются неизменными. Вот и трактир «Летающий тэнки», где я побывал в последний раз, дайте Боги памяти, года три назад, с тех пор ни капельки не изменился; разве что владелец малость подновил ему облупленный фасад. Это придорожное заведение стояло в отдалении от главных магистралей империи, но тем не менее было хорошо известно среди нелегальных погонщиков. Вопреки коммерчески невыгодному месторасположению трактира его владелец – старый мнительный тэнки Кэгун – не только сводил концы с концами, но даже умудрялся иметь хороший доход. Само собой, основной его поток бежал в карман трактирщика не от проезжих погонщиков, коих в этой глуши раскатывало куда меньше, чем на оживленных магистральных, а из иных источников.

В действительности «Летающий тэнки» являлся своего рода диспетчерской – таким информационным центром чуть ли не половины всего имперского криминалитета. Сюда стекались новости теневого мира со всех материков. Здесь нелегалы всех мастей, в том числе и такие, как я, могли получить работу либо нанять себе подельников. Ассасин приходил в этот трактир купить оружие; вор – свой специфический инструмент, вплоть до его магических разновидностей; угонщик – спихнуть краденого мутазверя либо подвергнуть его переделке в местной биомастерской. У Кэгуна можно было по сходной цене приобрести любые наркотики и прочую контрабанду, в том числе экзотическую, наподобие маринованных драконьих языков и семенных желез калтакейского крэйга – редчайшие деликатесы, за которые богатые гурманы-сумасброды порой отваливали продавцу целое состояние. Вдобавок с каждой заключенной в этих стенах сделки Кэгун взимал обязательный процент, за счет чего позволял себе безбедную жизнь вдали от шумного Истадала.

Дорога, у которой стоял трактир, пролегла по безлюдной скалистой долине – идеальное перевалочное местечко для тех, кто не любит лишний раз сталкиваться с полицией. А поскольку здесь почти ежедневно проводились те или иные нелегальные сделки и сходки членов теневого гильдий, на подъездах к трактиру всегда выставлялись замаскированные дозорные. Они извещали о внезапном приближении полиции тех, кто находился в трактире, путем особых сигналов. Я не сомневался, что о нашем с Гробуром появлении тоже будет доложено, кому следует, и те посетители, кого встревожит известие о мчащемся в эту сторону полицейском турбошмеле, либо успеют смыться, либо надежно припрятут концы своих незаконных делишек.

Короче говоря, мы с компаньоном прибыли в правильное заведение, вполне достойное таких отщепенцев, как мы.

Облетев вокруг трактира и не обнаружив возле него припаркованного полицейского транспорта, мы загнали Злюку в свободный крытый вольер и заперли за собой ворота. После чего без колебаний направились напрямиком в трактир, дабы наблюдающие за нами соглядатаи – кто бы в этом сомневался! – не заподозрили нас в подготовке какой-нибудь каверзы.

– Этот тэнки, он что, действительно умеет летать? – спросил Гробур, кивнув на вывеску, украшенную портретом Кэгуна – таким, каков старик был в свои лучшие годы, задолго до рождения моих родителей.

– Нет, конечно, – ответил я. – Просто у него слишком богатое воображение. Говорят, поначалу Кэгун назвал свой трактир «Мудрый тэнки». Но те, кто хорошо знал этого «мудреца», стали над ним насмехаться, и ему пришлось переписать первую половину вывески. А летает он не лучше любого из своих сородичей с атрофированными крыльями. То есть либо во сне, либо от орощего пинка под зад.

Еще один неперемный живой атрибут трактира, можно даже сказать, его талисман – спившийся неудачник-сид Эрумах, – с незапамятных времен служил при Кэгуне вышибалой.

Выгнанный с позором из Истадальского университета лет триста назад, маг успел овладеть лишь парочкой нелетальных боевых заклинаний, за счет которых и получил эту работу. Всех без исключения дебоширов Эрумах сбивал с ног слабым телекинетическим ударом, а затем вышвыривал за дверь при помощи маленького смерча. За что и считался неоценимым специалистом – какой еще вышибала способен работать исключительно за выпивку, каждый день напиваться в стельку и при этом ни на йоту не терять профессиональную хватку?

Я кивком поприветствовал вышибалу, стоящего при входе, скрестив руки на груди. На этом же самом месте он встречал меня и три года назад, и в тот самый день, когда я впервые посетил «Летающего тэнки». И выпивкой от Эрумаха разило, как всегда, за метр. И на мое приветствие маг опять-таки не ответил. Все как в старые добрые времена... Вот только хорошо это или плохо, пока неизвестно.

Народу в трактире было немного – обычная, впрочем, для этого заведения посещаемость. Несколько случайных погонщиков-грузовозов, одетых в форму своих компаний-нанимателей, и десятка полтора неприветливых личностей, кучкующихся по углам либо пьющих в гордом одиночестве. Первых тут по традиции не обижали, а если и грабили, то вдали от здешних мест – лишнее внимание полиции Кэгуну и его постоянным клиентам было ни к чему. Вторая и третья категории посетителей явно очутились в «Летающем тэнки» не проездом, а прибыли сюда для ведения конкретных дел. Тех самых дел, за посредничество в разрешении коих трактирщик-тэнки и получал свою долю.

Кто здесь собрался и зачем, меня совершенно не интересовало. Главное, что при нашем появлении ни один из посетителей не вскочил с места и не побежал к нам с приветливыми или, наоборот, злобными (и такое не исключено) криками. Безусловно, я бы обрадовался встрече с кем-нибудь из старых знакомых. Но только не сегодня, когда у меня элементарно не было времени посидеть с ними за бутылочкой вина и поболтать о прошлом.

Кэгун, неизменно торчащий за трактирной стойкой, как и Эрумах – у двери, при виде нас с Гробуром нисколько не удивился. Что было довольно странно: ладно брайхорнец, чью морду в этом заведении могли и не знать, но о судьбе Торки Бикса Кэгун наверняка был осведомлен. И тем не менее не опешил, когда Молниеносный вот так, запросто, снова переступил порог «Летающего тэнки».

– А вот и ты, не раньше, не позже, – прокаркал птицеподобный трактирщик, когда мы с компаньоном подошли к стойке. – Быстро объявился. Полчаса назад одна залетная душа рассказала, что утром над Рионаном законники ловили какого-то угонщика турбошмеля. А спустя еще двадцать минут пришла весть, что с севера в нашу сторону движется одинокий перехватчик. Вот стою, гадаю, кто бы это мог быть, а тут ко мне врывается – какое совпадение! – сам Молниеносный! Ящер – он с тобой или ты просто решил по пути бродягу-иноземца подбросить?

– Я – Гробур Двадцатый, герцог Баргдорских древоплантаций и острова Рамбар, – с достоинством представился компаньон, давая понять трактирщику, чтобы тот не переступал рамок приличия.

– А, ну да, Гробур Двадцатый, – равнодушно кивнул Кэгун. – Кое-что нам о тебе и впрямь известно – сюда доходят новости из-за моря. Поговаривают, тебя и твоего владыку арестовали на наших землях и что при вашем аресте полегло много законников. И с тех пор якобы вашей гильдии несладко живется. Сочувствую... Значит, вы слиняли с каторги? Лихо. Мне об этом пока никто не рассказывал. Честно признаться, обожаю получать сногшибательные новости из первых рук. Итак, друзья мои, могу я вам чем-то помочь?

– Мне необходимо увидеть Алек-Пета, – выложил я цель нашего визита. – Срочное дело на пару-тройку часов. Ты еще арендуешь ему подвал под мастерскую или все-таки выгнал этого сумасшедшего «потрошителя»?

– Если я выгоню Алек-Пета, твои друзья, Бикс, меня попросту не поймут, – ответил Кэгун. – Они перестанут сюда навещать и скажут другим своим друзьям, чтобы те объезжали это место стороной. А каждый из них передаст эту информацию дальше, и скоро свободные погонщики Атреи вообще перестанут посещать наши края. Скажешь, это плохо? Неверно, мой друг – это будет настоящая катастрофа! Тэнки Кэгун умрет с голоду, потому что останется один посреди пустоши, без друзей и даймов. И что в этом хорошего? Абсолютно ничего. Так почему же, Бикс, я должен выгонять Алек-Пета из своего подвала?

– Ладно, прекрати паясничать, старый болтун, – махнул я рукой. – Это был всего-навсего риторический вопрос.

– Это был глупый вопрос, а не риторический, – покачал головой пернатый трактирщик. – Прискорбно, что даже каторга не научила тебя видеть разницу между подобными вещами.

– Вообще-то, старик, на каторге мне было не до постижения философских тонкостей, – поморщился я. Кэгун всегда славился своей велеречивостью, но сегодня болтать с ним у меня отсутствовало всякое желание. – И сейчас моя голова забита совсем другими проблемами, уж извини... Так ты сведешь меня с arraуном или нет?

– Потрошить полицейского турбошмеля в моем подвале – не слишком ли я рискую, Бикс?

– Как будто до сей поры там не бывало угнанных перехватчиков! – заметил я.

– Бывали, разумеется, и не однажды... – Кэгун часто-часто пощелкал клювом, что у тэнки обычно означало глубокую озадаченность. – Но вот в чем загвоздка: их никогда не пригоняли сюда беглые каторжники. Завтра ко мне придут законники и спросят, не заезжал ли в трактир случайно Молниеносный Бикс. Я, конечно, скажу «нет», но где гарантии, что кто-нибудь из этих парней... – он обвел рукой зал, – не сболтнет законникам обратное? И еще добавит, что ты проторчал в моем трактире полночи, когда, по всем приметам, должен был нестись, как угорелый, в сторону Санадарии. Очень нехорошо трактирщикам обманывать полицию, мой друг. От этого законники начинают беситься и в отместку закрывать наши заведения – цитирую уголовное право: «до выяснения всех обстоятельств дела». А дела в Империи, бывало, разбираются по многу лет. Какие из этого следуют выводы?

– Сколько? – Для извлечения выводов Гробур применил немудреную, но безотказную логическую схему.

– Помилуйте! – Тэнки капитулирующее поднял ладони. – Я в биотехнических вопросах не разбираюсь. Насчет этого спросите лучше Алек-Пета – он назовет вам точную цену. Я же возьму с вас лишь страховку за риск и больше ничего. Чисто символически, Бикс. Исключительно по старой дружбе. Двадцать даймов.

– Хорош друг! – возмутился я. – Да это грабеж! К тому же нет в Империи такого законника, у которого хватит полномочий закрыть твое заведение! С твоими-то связями!.. Четыре дайма – вот реальная цена твоей страховки!

– Ты отстал от жизни, Бикс. За эти даймы сегодня и патрульного мобильника не подмажешь, не говоря о законниках повыше... Ладно, уболтал: шестнадцать «золотых».

– А где же моя обычная скидка, Кэгун? Торки Бикс так много в свое время для тебя сделал, а когда его самого нужда подперла, ты отказываешься помочь ему, даже за хорошую оплату в... восемь камней!

– За то, что ты для нас сделал, мы сполна рассчитались, разве не так?.. А право на новую скидку надо заработать. Но, к сожалению, сейчас у меня нет работы для беглого каторжника. Вот поэтому и... четырнадцать даймов.

– Двенадцать! И это мое последнее слово. Не забывай, старик, что тебе еще от Алек-Пета обычный ломоть перепадет. А сегодня это будет очень щедрый ломоть, будь уверен. Могу поклясться, такой прибыльной работенки arraуну давно никто не предлагал.

В ответ на это – долгое щелканье клювом и частое моргание маленьких птичьих глазок.

– Ладно, получи свою скидку, Бикс: двенадцать камней, так уж и быть! Разоритель! – Кэгун раздраженно хлопнул ладонью по стойке. Для проформы, разумеется: если бы сделка и впрямь была невыгодной, трактирщик не сдался бы так легко.

Я кивнул Гробуру, и тот отсчитал для тэнки нужное количество камушков. Кэгун рассмотрел каждый из них на свет и долбанул по ним клювом, проверяя, не крошатся ли, как это часто бывает с низкопробными подделками. После чего, довольный результатом, сунул наш страховочный взнос в карман фартука.

– Алек-Пет у себя, – буркнул трактирщик, все еще разыгрывая перед нами оскорбленную честность. – Пароль на этой неделе: «Солнце встало над Хайраном». И поторопитесь: дружба дружбой, но сегодня вам лучше не злоупотреблять моим гостеприимством...

Погонщик, который не был знаком со здешними обычаями, мог не попасть в мастерскую Алек-Пета, даже зная пароль; такое случалось, если вдруг Кэгун забывал объяснить новичку все подробности того, как надо входить в подвал. На стук и призывные крики арраун-«потрошитель» не отреагировал бы, барабань я в запертые ворота хоть до посинения. Обычно так поступали законники, которых Алек-Пет на дух не переносил. Они периодически заявлялись сюда с проверками, взламывали ворота, переворачивали мастерскую вверх дном, ища краденые запчасти, и этим всегда выводили из себя местного биомеханика, любившего уединение, порядок и чистоту. Поэтому арраун распахивал двери своего обиталища только друзьям и никому больше. А они, в свою очередь, зная маниакальную нелюбовь четверорукого «потрошителя» ко всему, что его раздражало, неукоснительно соблюдали придуманные им правила.

Торки Бикс также не намеревался от них отступить. Наклонившись к вентиляционной трубе, торчащей из стены возле ворот, я шепотом – только так, а не иначе! – проговорил в нее кодовую фразу и стал дожидаться ответной реакции обитателя трактирного подземелья. Несомненно, он расслышал пароль: слух у подслеповатых арраунов превосходный, не чета человеческому. Сопровождающий меня ящер хотел что-то сказать, но я приложил палец к губам, велел компаньону повременить с разговорами. Чужой голос за воротами мастерской мог вызвать у Алек-Пета подозрения даже к хорошему другу. Каким он когда-то меня считал.

И, к счастью, продолжал считать до сих пор. Ворота распахнулись быстрее, чем я ожидал. А значит, арраун даже не стал прислушиваться к тому, что происходит снаружи, и, едва услышал мой голос, сразу же бросился отпирать подвал.

Алек-Пет являл собой уникальную личность, каких среди арраунов, кроме него, наверняка больше не было. Земли этой многочисленной расы четвероруких, покрытых хитином человеконасекомых и Истинную Империю разделяла широкая бесплодная пустыня Хайран. У себя на родине – Южном Берегу – аррауны селились большими сплоченными общинами – так называемыми роями, в которых безраздельно правили царицы-матки. Сложившийся с незапамятных времен уклад жизни этих существ и по сей день не претерпел особых изменений. Каждая община, помимо множества распространенных в ней ремесел, непременно занималась двумя традиционными: выращиванием транспортных животных и резервариив. Последние представляли из себя особую разновидность деревьев, возведенных арраунами в культ из-за того, что эти растения накапливали в себе огромное количество воды – ценнейшего сырья в засушливых южных краях.

В юности Алек-Пет увлекся первым традиционным ремеслом своего племени и на всю жизнь связал себя с биомеханикой. Однако за какие-то тяжкие провинности – мой друг об этом не любил распространяться, – рой отправил Алек-Пета в изгнание. Что для аррауна было тяжким наказанием: их генетическая привязка к ройной жизни и специфической воде резервариив (являющейся по сути обычным наркотиком, на который представители расы Четвертых из Семи крепко подсаживались с молодых когтей) не оставляла никакой надежды на выживание изгоя вне его сплоченного, как монолит, общества.

Но Алек-Пет выжил, и это было воистину чудом. По мне, гораздо легче вообразить, что тэнки вновь когда-нибудь научатся летать на своих чахлах крылышках, нежели аррауна-отшельника. Однако факт оставался фактом: жажда жизни была у четверорукого изгоя так велика, что он не только не умер, но умудрился пересечь безводный Хайран и благодаря своим талантам биомеханика обосновался в Истинной Империи при трактире тэнки Кэгуна.

Вот уж не ожидал Торки Бикс, что Алек-Пет окажется так рад его видеть! Арраун прямо с порога заключил меня в свои двойные объятия, а радость его была настолько искренней, что после года каторжной брани и побоев я даже растрогался.

– Хороший человек Бикс пришел! – провозгласил «потрошитель», хлопая меня по спине и плечам сразу четырьмя ладонями. Голос аррауна являл собой почти непрерывное многоголосное жужжание, сквозь которое пробивалась вполне внятная речь. Ничего странного, и вы бы разговаривали столь же полифонично, будь у вас во рту тоже два языка. – Заходи, хороший человек! Давно ты у нас не был. Кэгун поговаривал, что тебя на каторгу упекли. Но я всегда знал, что это не так! Разве есть на свете ловкач, который способен поймать Молниеносного Бикса?

– Должен тебя огорчить: такой человек нашелся, – с сожалением признался я и уточнил: – Старый тэнки тебе не врал, Алек-Пет: мы с Гробуром действительно сбежали с каторги.

– Кто тот мерзавец, что тебя опозорил? – Огромные фасеточные глаза аррауна уставились на меня с изумлением (как я уже упоминал, это парадоксально, но взгляды человекообразных действительно способны выражать чувства. Надо лишь иметь кое-какой опыт общения с арраунами, чтобы научиться замечать подобное).

– Разве Кэгун об этом не упоминал? – в свою очередь удивился я. Уж такие-то подробности в «Летающем тэнки» явно мусолились на языках не один день.

– Ну... если честно, то упоминал... – замялся Алек-Пет. – Да я и сам мог бы догадаться – та молодая человеческая самка, с которой ты в последний раз к нам заезжал, с тех пор часто сюда наведывается. Но ты ведь меня знаешь: я никогда не поверю в то, во что не хочу верить.

– Кайлина Лэнс к вам заезжает? – опешил я. – Зачем?

– А Алек-Пет думал, что он здесь один такой недогадливый! – рассмеялся арраун. Его второй жужжащий голос при этом перешел на высокую тональность, крайне неприятную для человеческого уха. – Зачем вообще в «Летающий тэнки» приезжают законники? Сходку «теневигов» накрыть, краденое мутазверье искать, а то и просто Кэгуну напомнить, чтобы не зарывался. Эта твоя... Кайлина, она ведь сегодня уже не работает под прикрытием, а служит в отделе угонов старшим оперативником. Все, как положено: форма, майорские нашивки, напарник-цверг...

– Повысили, значит, – мрачно заметил я. – Неудивительно, за такие-то заслуги. И когда в последний раз капитан... тьфу ты – майор Лэнс вас навещала?

– Месяца три назад, – ответил «потрошитель». – Гоняла какого-то очередного проныру вроде тебя. Когда твое лицо становится известно всем нелегалам Атрейи, старые уловки с переодеванием больше не срабатывают. Вот и приходится теперь Кайлине охотиться на вас обычными грубыми методами.

– И не говори, хлопотное это занятие – бегать по Империи за нашим братом, – тяжело вздохнул я. «Чего огорчился, спрашивается? Неужто из-за того, что узнал новости о Кайлине и о ее успешной, идущей в гору карьере? Тоже мне, откровение! Как будто я об этом раньше не догадывался!»

В биомастерской подслеповатого Алек-Пета горело несколько десятков мощных светокристаллов, отчего с непривычки я зажмурился, а вертикальные зрачки Гробура превратились в едва заметные щелки. Обилие света предназначалось не только для теплолюбивого человекообразного, но и для карликовых резервариюв, рассаженных им повсюду в больших горшках. В подвале имелась целая маленькая рощица этих бочкообразных мелколистных деревьев. Алек-

Пет старательно ухаживал за ними и поливал, перегоняя через них обычную воду в излюбленный напиток арраунов. Прожить вдали от родного роя четверорукий отшельник мог, но без привычной воды ему в изгнании было очень тоскливо.

Увидев наш трофей, который я подогнал к мастерской по земле, не поднимая турбошмеля в воздух, биомеханик одобрительно зажужжал и признался, что «хороший человек Бикс» тем и импонирует ему, что никогда не изменяет собственным привычкам.

– Я бы сильно в тебе разочаровался, прилети ты ко мне на какой-нибудь ерунде типа саранчоппера, стелс-махаона или стрекоптера, – сказал Алек-Пет, поглаживая Злюку по обтекателю. – Но турбошмель – это высший класс! Не спрашиваю, как вы его раздобыли и куда направляетесь, однако не помню, чтобы прежде ты разъезжал на перехватчике со снятым ограничителем где-то еще, кроме хайранского каньона Шрам Самилданаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.